

31415

111
[Faint handwritten text]

[Faint, illegible text]

[Faint, illegible text]

[Faint, illegible text]

[Faint, illegible text]

[Faint, illegible text]

[Faint, illegible text]

[Faint, illegible text]

№ 11. № 9. 1912. № 9.

Говинский, П.

86892

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ДВУХСОТЛѢТІЕ СНОШЕНІЙ РОССИИ СЪ ЧЕРНОГОРІЕЙ.

(1711—1911 гг.).

Въ прошломъ году исполнилось 200 лѣтъ, какъ Петръ Великій открылъ для Россіи Черногорію, а черногорцы узнали о существованіи на далекомъ сѣверѣ единоплеменной и единовѣрной имъ Россіи.

Мы ждали, что по этому поводу отзовется кто-нибудь въ Черногоріи, которая всегда такъ дорожила своимъ историческимъ прошлымъ и потому въ 1893 г. торжественно отпраздновала четырехсотлѣтіе первой типографіи въ Черногоріи, а затѣмъ двухсотлѣтіе династіи Петровичей-Нѣгушей.

Но черногорцамъ въ настоящее время не до того. Только что отпраздновали они пятидесятилѣтіе правленія своего господара, князя Николая, и провозглашеніе Черногоріи королевствомъ (въ 1910 г.), какъ началось албанское движеніе, которое, начавшись какъ разъ у черногорской границы, дѣлаетъ и ихъ невольными участниками этого движенія, если не фактически, то заставляя ихъ зорко слѣдить за происходящимъ и быть готовыми ко встрѣчѣ возможныхъ крупныхъ событій.

Сдѣлаемъ это мы, русскіе, имѣя возможность съ бѣльшимъ спокойствіемъ относиться къ происходящему въ настоящее время и отыскивая въ прошломъ указанія, которыя могутъ быть пригодны для настоящаго и будущаго.

39

Вступленіе Черногоріи въ сношенія съ Россіей имѣло для нея рѣшающее значеніе: съ этого времени Черногорія сознаетъ, что она не одна; она не чувствуетъ больше того безвыходнаго положенія, въ которомъ находилась прежде, и смѣло смотритъ впередъ, думая о своемъ внутреннемъ благоустройствѣ, о просвѣщеніи и другихъ благахъ жизни, которыми давно уже пользовались другіе европейскіе народы. Тогда же зародилась идея создать изъ Черногоріи самостоятельное, ни отъ кого независимое государство, получившая осуществленіе только черезъ полтора ста лѣтъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія. Одного этого достаточно, чтобы и современный черногорецъ вспомнилъ и вдумался въ это давнее прошлое.

Для насъ русскихъ этотъ фактъ интересенъ и въ то же время поучителенъ въ томъ отношеніи, что онъ относится къ эпохѣ, когда Россія впервые выступаетъ въ политической роли на общеевропейской аренѣ. Сношенія съ Черногоріей, слишкомъ мелкою единицей, имѣютъ значеніе въ общемъ планѣ политики Петра Великаго. Это нашъ политическій этапъ на Балканскомъ полуостровѣ, при томъ на былъ первый самомъ отдаленномъ отъ насъ западномъ его краѣ, гдѣ мы встрѣчаемся съ западными государствами и по отдаленности не можемъ дѣйствовать сами непосредственно, а потому ищемъ себѣ союзниковъ.

Мы выразились въ началѣ, что Петръ Великій открылъ Черногорію русскимъ, а Россію черногорцамъ, такъ какъ въ дѣйствительности они не знали одинъ о существованіи другого. При тѣсной связи, существующей между Черногоріей и Россіей въ настоящее время, это какъ-то странно.

А между тѣмъ это такъ естественно, если обратимъ вниманіе на географическое положеніе Черногоріи, по которому она, какъ и остальные части той стороны Балканскаго полуострова, принадлежитъ Западу. Вспомнимъ, что эти края романизовались даже во время существованія Восточной Римской или въ послѣдствіи Византійской Имперіи. А съ утвержденіемъ турокъ на Балканскомъ полуостровѣ, только эта западная его окраина и оставалась незанятою ими, благодаря защитѣ, которую оказывалъ ей Западъ. Совсѣмъ другое мы видимъ на восточной половинѣ Балканскаго полуострова, гдѣ всѣ христіане, не только славяне, но также греки и румыны давно уже обращаютъ взоры къ московскимъ царямъ, питаютъ темныя надежды въ будущемъ при ихъ помощи освободиться отъ турецкаго ига, а до того времени довольствуясь помощью ихъ церквамъ и монастырямъ.

Они живутъ этой вѣрой и ждутъ благопріятнаго момента, чтобы подняться по слову русскаго царя.

Интересны въ этомъ отношеніи свидѣтельства иностранцевъ. Такъ, въ запискѣ 1576 г. о Турціи одного мальтійскаго рыцаря, при оцѣнкѣ положенія Московскаго государства въ отношеніи къ ней, указывается на то обстоятельство, что государь его—греческаго исповѣданія, вслѣдствіе чего „всѣ народы Болгаріи, Сербіи, Босніи, Греціи и Морей безгранично преданы ему, какъ своему единовѣрцу, и ни отъ кого больше, какъ отъ него, не ожидаютъ своего избавленія изъ турецкихъ рукъ“ ¹⁾. Въ томъ же году венеціанскій посланникъ Г. Соранцо говоритъ то же самое, добавляя, что эти народы „всегда готовы взяться за оружіе и возстать, чтобы освободиться отъ турецкаго рабства и стать подъ власть московскаго государя“ ²⁾. Наконецъ, въ 1688 г. обращается къ молодымъ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ сверженный турками константинопольскій патріархъ Діонисій съ такими словами: „Всякія государства возстали на антихриста, а царство ваше дремлетъ. Всѣ благочестивые святаго вашего царствія ожидаютъ, сербы и болгаре, молдаване и валахи. Возстаните, не дремлите, придите спасти насъ“. (Солов., Ист. Р. т. XIV, стр. 52). Вотъ гдѣ, значитъ, было призваніе Россіи дѣйствовать. Зачѣмъ въ такомъ случаѣ ей нужна Черногорія?

Правда, это имѣло нѣкоторый смыслъ и значеніе, когда Петръ собирался въ прутскій походъ и когда возстаніе черногорцевъ могло произвести диверсію турецкихъ силъ. Но на дѣлѣ оказалось, что, какъ блестяще ни выполнили черногорцы возложенную на нихъ задачу, никакой диверсіи турецкихъ силъ, дѣйствовавшихъ противъ Петра, не произошло, потому что главную силу Турціи всегда составляли азіатскія войска, а въ то время съ турками былъ еще крымскій ханъ съ татарами. Но Петръ почему-то и послѣ этого продолжаетъ крѣпко держаться Черногоріи, а почему,—это можетъ объясниться только изъ болѣе внимательнаго разсмотрѣнія этихъ отношеній въ связи съ общою его политикою.

Для этого мы должны нѣсколько углубиться въ исторію и разсмотрѣть, при какихъ обстоятельствахъ возникли эти сношенія, что имъ предшествовало, чѣмъ они были вызваны и какое значеніе придавалось имъ ихъ инициаторомъ.

Начнемъ съ Черногоріи.

¹⁾ V. Lamansky. Secrets d' état de Venise. 1884, стр. 380 въ примѣчаніи.

²⁾ Тамъ же.

I.

Состояніе Черногоріи передъ вступленіемъ въ сношенія съ Россіей.

Черногорія подъ управленіемъ духовныхъ владыкъ.—Колебаніе въ правителяхъ.—Стойкость народа.—Владыка и главари предаются Венеціи.—Венеціанцы на Цетиньѣ.—Разгромъ Цетинья турками и удаленіе венеціанцевъ.—Потурченцы въ Черногоріи.—Владыка Данииль.—Истребленіе потурченцевъ.—Безвыходное положеніе Черногоріи.

Съ паденіемъ Зетскаго государства и удаленіемъ его послѣднихъ свѣтскихъ государей, горсть сербскаго народа, не покорившаяся туркамъ и рѣшившаяся вести противъ нихъ отчаянную борьбу, осталась при своихъ выборныхъ племенныхъ главаряхъ, вѣдавшихъ дѣла каждаго племени въ отдѣльности, и при одномъ *владыкѣ* (митрополитѣ), также выборномъ, который былъ главою церкви и въ то же время руководителемъ народа въ дѣлахъ высшаго порядка, касавшихся какъ отдѣльныхъ племенъ, такъ и всѣхъ ихъ въ совокупности, въ томъ числѣ и отношеній внѣшнихъ, международныхъ. Основнымъ принципомъ, какъ мы сказали, были вѣра и народность.

Это была единственно возможная форма внутренней организаціи народа, которою обезпечивались его свобода и индивидуальность. Свѣтскій государь не могъ жить въ Черногоріи при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ она очутилась, когда не хватало средствъ для поддержанія самаго жалкаго существованія, и онъ всегда могъ измѣнить вѣрѣ и народности, какъ то и было съ послѣдними господарями Черноевичами.

Такимъ главою при тогдашнихъ обстоятельствахъ могъ быть только владыка-монахъ, отрекающійся отъ матеріальныхъ благъ и сливающійся всею своею жизнью съ народомъ, о Христѣ братъ каждому христіанину, для котораго отреченіе отъ православія и народности было наложеніемъ рукъ на самого себя. Но жизнь была такъ тяжела, и впереди не предвидѣлось никакого другого исхода, какъ искать, чьей бы то ни было, помощи. И вотъ владыка Мардарій входитъ въ сношенія съ папою Урбаномъ VIII (въ 1640 г.) и соглашается на унію съ Римомъ, откуда и присланы были легаты для формальнаго принятія этого владыки въ лоно католической церкви и приготовленія къ тому же народа.

Но народъ возмутился, папскихъ легатовъ прогналъ, а что стало съ владыкой, неизвѣстно. Сохранилось только преданіе, что онъ

быль побить камнями и теперь показываютъ насыпанный на немъ (будто бы) курганъ, хотя преступленіе, приписываемое ему народомъ, совершенно другого характера.

Положеніе черногорцевъ, однако, не измѣнилось: вѣчно угрожаемые со стороны турокъ и нуждающіеся во всемъ, и, главнымъ образомъ, въ средствахъ обороны, въ оружіи и боевой амуниціи, они не могли жить безъ чьей либо помощи. Помощь же эту могла имъ дать единственно Венеція, которая и воспользовалась этимъ, чтобы подчинить ихъ своему вліянію.

Для этого Венеція прежде всего привлекла на свою сторону главарей, платя имъ постоянное жалованье; за ними слѣдовалъ и народъ. Поэтому черногорцы участвуютъ въ войнѣ Венеціи съ турками въ Кандіи (1645—1669), а въ 1687 г. они же помогаютъ прогнать турокъ изъ Новаго въ Боккѣ, отбиваютъ турокъ отъ Будвы.

Но дѣло не остановилось на томъ, что черногорцы участвовали во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ, затѣваемыхъ венеціанцами противъ турокъ. Дѣло дошло до того, что черногорскіе главари и съ ними владыка Висаріонъ прямо называютъ себя подданными венеціанскаго дожа и, какъ таковые, выражаютъ ему свое почтеніе въ самой унижительной формѣ.

Такъ, въ одномъ письмѣ къ главному проведитору Далмаціи отъ владыки Висаріона, всѣхъ главарей и „отъ всего черногорскаго сбора“ подписавшіе его прямо называютъ себя „вѣрни подложници (подданные) преведрога (свѣтлѣйшаго) господина принца (дожа)“; а въ другихъ письмахъ къ тому же проведитору владыка заканчиваетъ ихъ такою формулой: „и вашего госпоцтва *veumtu* цѣливамо“, передѣлывая итальянское выраженіе: „*vi basio li vesti*“ (одежду, плащъ)¹⁾.

А въ виду нападенія турокъ они обращаются къ Венеціи съ просьбою прислать къ нимъ нѣкоего Зана Грбичича (нобиля изъ Бокки), съ которымъ они и прежде участвовали въ дѣйствіяхъ противъ турокъ. При этомъ дѣлается такое дополнительное объясненіе: „докле смо били подъ турцима, вазде смо нихъ (Грбичича) кутье (дома) били, и добре намъ е чинила кутя Грбичича, а садъ *пошто*

¹⁾ Эти и далѣ другія цитаты изъ документовъ, найденныхъ въ итальянскихъ архивахъ, мы беремъ изъ изданія, сдѣланнаго по приказанію итальянскаго короля Виктора Эммануила II въ Римѣ подъ заглавіемъ: „Il Montenegro da relazioni dei Provveditori Veneti (1687—1735)“, по случаю празднованія въ Черногоріи двухсотлѣтія династіи Петровичей-Нѣгушей. Оно снабжено множествомъ fac-simile, рисунками, снимками печатей и гербовъ.

смо подь крило принципово, тако разуміемо да люби Грбичиче и остала земля, и ми црногорци любимо ихъ и држимо за наше господаре, да намъ заповіедаю вазде, докле нихъ кутя буде“.

Это уже прямое приглашеніе къ себѣ свѣтскимъ господаремъ венеціанскаго подданнаго З. Грбичича, оставивши владыкѣ вѣдать только перковныя дѣла.

Въ то же время они признають, что прежде были „подъ турками т. е. такъ же, какъ теперь отъ венеціанцевъ, получали подарки или жалованье, чего, однако, черногорскій народъ не признавалъ никогда, какъ и въ данномъ случаѣ по отношенію къ Венеціи. И это вскорѣ подтвердилось на дѣлѣ. Въ томъ же письмѣ они просятъ послать „одно сто люди овуде у манатирь двіе кумпаніе (роты) да чувя ове куфине (предѣлы, край); е (такъ какъ) кадь би се огласило до овде стое платьени люди (солдаты), съ миромъ бы стаяла земля и не би мого неприятель пишта наудити (повредить)“.

Тревога поднята вслѣдствіе извѣстія, что на Черногорію собирается напасть Сулейманъ-паша. 18-го ноября 1688 г. на Цетинье посылается Антоніо Болица съ значительнымъ отрядомъ войска, какъ губернаторъ края. Войско это состояло частью изъ итальянцевъ, которыхъ можно разумѣть подъ именемъ *oltramagini*, и бокелей или приморцевъ.

Между тѣмъ умираетъ владыка Висаріонъ (21-го іюля 1692 г.), и республика озабочена вопросомъ, кто будетъ избранъ въ митрополиты. По этому поводу провед. Д. Дольфи пишетъ обширно въ Венецію сенату, перебирая лицъ, которыя могутъ считаться кандидатами, и заключаетъ слѣдующими словами: „Такъ какъ въ настоящее время Цетинье находится въ крѣпкой власти вашей свѣтлости, занято особымъ гарнизономъ, то, мнѣ кажется, есть основаніе, чтобы каждый шагъ согласовался съ высочайшею волею свѣтлаго сената, потому не можетъ послѣдовать наименованіе никого, кто не имѣлъ бы его одобренія“, и предполагаетъ, что самое лучшее временно „предоставить администрацію этого епископства аббату (игумену), который и теперь имъ управляетъ, такъ какъ всѣ свѣдѣнія объ немъ согласны въ томъ, что онъ благорасположенъ къ интересамъ вашей свѣтлости и пользуется расположеніемъ тамошняго народа“.

Мы привели этотъ документъ, потому что изъ него ясно видно, до какой степени венеціанцы укрѣпились въ Черногоріи и чувствовали себя совершенно какъ въ какой-нибудь своей провинціи, въ Далмаціи или въ Боккѣ.

Не заставилъ долго ждать себя и Сулейманъ-паша.

Онъ шелъ отъ Скадра, и потому по пути его должны были задержатъ Цермница и Рѣцкая-нахія; но этого не произошло, и 25-го сентября (нов. ст.) 1692 г. онъ безпрепятственно дошелъ до Цетинья, гдѣ и произошла битва.

Описанію этой битвы въ упомянутомъ изданіи посвящено 9 донесеній, занявшихъ 12 страницъ (89—101); но, не смотря на множество подробностей, изъ нихъ не видно, какое участіе принимали въ томъ черногорцы, да и принимали ли? Въ одномъ мѣстѣ говорится о мѣстныхъ жителяхъ, что они „*si sono vilmente ritirati senza meno li primi esperimenti di resistenzu*“; а въ другомъ также говорится о „*vilta da paesani pavidı dal nemico*“, и еще въ одномъ мѣстѣ въ оправданіе командовавшаго войскомъ проведитора приводится, что онъ не могъ ничего сдѣлать, „*havendolo abbandonato tutti li paesani, e nuovi, e vecchi sudditi*“. Подъ именемъ „новыхъ подданныхъ“ разумѣются, конечно, не черногорцы, а „старые“—бокезы. Ясно, что черногорцы не принимали участія въ битвѣ противъ турокъ и въ защитѣ Цетинья, собственно одного монастыря, въ которомъ сидѣли венеціанцы, и не изъ страха, какъ говорится въ донесеніи, а потому что не хотѣли и въ туркахъ на этотъ разъ видѣли своихъ освободителей отъ латинъ, которые по ходившей тогда молвѣ отравили и владыку Висаріона, чтобы забрать въ свои руки и черногорскую церковь.

Покинутые черногорцами латины бѣжали съ Цетинья и больше потомъ не возвращались; а турки, удовлетворившись такою легкою побѣдой и разоривши монастырь, также удалились.

Этотъ первый разгромъ Цетинья турками могъ имѣть весьма неблагоприятныя для Черногоріи послѣдствія. Турки не должны были остановиться на этомъ первомъ шагѣ. Путь проложенъ, и нуженъ былъ только новый предлогъ, чтобы совершить тотъ же маршъ.

Это должно было произвести удручающее впечатлѣніе и на всѣ сербскія земли, смотрѣвшія на Черногорію, какъ на вѣрное убѣжище, неприступное для турокъ. Теперь это убѣжище пало. Тяжелое положеніе Черногоріи усугублялось еще тѣмъ, что внутри ея находились потурченцы, потомки тѣхъ черногорцевъ, которые приняли магометанство вмѣстѣ съ Черносвичемъ, сыномъ Иванбега, попавшимъ въ Константинополь въ качествѣ заложника и тамъ насильственно обращеннымъ въ магометанство.

Въ данное время они жили на Цетиньѣ, въ Дубовникѣ, въ Цекличахъ и еще кое-гдѣ и вездѣ имѣли свои мечети. На Цетиньѣ осо-

бенно они составляли сильную общину, которая нисколько не зависѣла отъ черногорскаго владыки и управлялась собственными главарями и муллами; а главный ихъ *кадія* (судья, судившій по *шаріату*, турецкому закону) находился на Рѣкѣ, въ то время занятой уже турками.

Жили они хорошо и даже лучше христіанъ, вслѣдствіе особыхъ условій своего исповѣданія, не требующаго лишней траты ни времени, ни средствъ на различныя празднества, которыя отбывались православными по предписанію церкви и по народному обычаю, и вообще внушающаго своимъ послѣдователямъ трезвость и экономію.

А главное, имъ не было необходимости быть вѣчно подъ ружьемъ, чтобы оберегать свое отечество отъ внѣшняго непріятеля. Въ случаѣ же какихъ-нибудь особыхъ нуждъ, имъ всегда готова была помощь изъ Турціи.

На Цетиньѣ у нихъ была мечеть, довольно большая, судя по основанію ея, которое и мы видѣли, а были люди, помнившіе еще и стѣны ея въ вышину по грудь. Она находилась въ мѣстѣ между нынѣшнимъ женскимъ институтомъ и домомъ турецкой дипломатической миссіи.

Въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, когда производилась канализація Цетинья, тамъ же по близости къ мечети высовывались большіе обтесанные камни какихъ-то построекъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, домовъ, въ которыхъ жили потурченцы. Другая мечеть ихъ была между нынѣшнимъ городомъ и с. Хумцами. Въ то самое время у христіанъ на мѣстѣ нынѣшняго Цетинья не было никакого жилища, кромѣ монастыря, въ данное время разрушеннаго.

Само собою разумѣется, что эти потурченцы всегда радѣли своимъ единовѣрцамъ въ Турціи. Но тронуть ихъ было трудно, потому что они были истые черногорцы, и у нихъ была племенная и родовая связь съ православными, между которыми они могли имѣть и тайныхъ сообщниковъ.

При такихъ обстоятельствахъ, по смерти недолго жившаго владыки Саввы Очинича, человѣка болѣзненнаго и слабохарактернаго, замѣстившаго Висаріона, черногорцы выбираютъ во владыки шестнадцатилѣтняго Николая Штепчевича Петровича изъ с. Нѣгушей, въ монашествѣ наименованнаго Даніиломъ. Изъ прежней его жизни извѣстно лишь то, что еще въ дѣтствѣ онъ покидаетъ родительскій домъ и бѣжитъ на Цетинье, гдѣ и остается, чувствуя призваніе къ монашеской жизни.

Самый выборъ такого молодого указываетъ на то, что въ немъ были качества, обратившія на него особенное вниманіе народа; а можетъ быть, онъ успѣлъ уже заслужить это вниманіе своими дѣйствіями.

Въ 1697 г. (а по другимъ даннымъ въ 1696 г.) молодой монахъ выбранъ былъ черногорскимъ народомъ во владыки, а въ 1700 г. въ венгерскомъ городкѣ Сечуѣ онъ посвященъ въ епископа печскимъ патріархомъ Арсеніемъ Черноевичемъ, который въ 1690 г. бѣжалъ изъ Турціи и вывелъ съ собою 36.000 семействъ сербовъ и съ тѣхъ поръ поселился въ Австріи.

Воротившись домой, въ Черногорію, новый владыка едва имѣлъ мѣсто, чтобы, какъ говорится, приклонить голову; но негдѣ было совершать церковную службу.

Монастырь былъ превращенъ въ груды камней; тамъ, гдѣ была церковь, прекрасной, оригинальной архитектуры, окруженная 18-ю колоннами, зіяла пустая яма, изъ которой монахами унесена была гробница съ останками ея строителя Иванбега; унесены были также съ сосудами и другими церковными принадлежностями колокола и гдѣ-то скрыты, а кругомъ валялись обломки колоннъ и капителей, рѣзныхъ съ изображеніемъ зетскаго герба и другихъ фигуръ. До основанія разрушены и все другія постройки, въ которыхъ ютилась монастырская жизнь. Нѣтъ звона колоколовъ, нѣтъ для черногорцевъ церковной службы; а тутъ же рядомъ надъ этими развалинами съ минарета проносится протяжный голосъ муэдзина, призывающаго своихъ на молитву за турецкаго султана и за торжество вѣры Магомета надъ христіанствомъ. Потурченцы подняли голову, а черногорцы упали духомъ.

Тяжелое положеніе Черногоріи прекрасно изображено въ произведеніи владыки Петра II „Горски Віенац“. „Что это вотъ ужъ столько времени умолкли наши горы, не раздаются уже ратные клики? Оружіе наше покрыла ржавчина; земля осталась безъ главарей; горы наши усмердѣли нехристью! Сдружился турчинъ съ черногорцемъ; мулла кричитъ надъ ровнымъ Цетиньемъ; левъ гніеть, попавши въ ловушку; затерлось черногорское сѣмя; не осталось трехперстнаго сложенія!.. Сердца мужей заолодѣли, и въ нихъ умеръ духъ свободы, какъ умираютъ на горахъ лучи солнца, когда оно тонетъ въ морской пучинѣ“.

Дѣйствительно, Черногорія переживала критическій моментъ.

Потурченцы, какъ мы замѣтили выше, были сильны тѣмъ, что у

нихъ между черногорцами - христіанами были родные, были также просто пріятельскія отношенія по разнымъ общимъ дѣламъ. Но въ то время, какъ у христіанъ замѣчался постепенно упадокъ духа, потурченцы съ побѣдами Турціи все больше воодушевлялись, дѣлались фанатичнѣе и впередъ рѣшали, что ихъ братья по крови сольются съ ними въ вѣрѣ въ Магомета и станутъ заодно подъ мощную руку султана. Были, конечно, и черногорцы, готовые на то, чтобы не терпѣть нужды во всемъ и не стоять вѣчно подъ грозой со стороны сильнаго турка.

При такомъ положеніи потурченцы болѣе не могли быть терпимы въ Черногоріи; но какъ отъ нихъ избавиться?

Воротившись изъ Сечуя, молодой владыка тотчасъ принимается за это дѣло, и что должно было совершиться въ 1703 г., совершилось. Устроено было нѣчто въ родѣ вареоломѣвской ночи. На *бадній вечеръ* (передъ Рождествомъ), когда сербы по обычаю вносятъ въ домъ *бадняки* (нарочно для того срубленные деревца), кладутъ на горящій въ домѣ костеръ и даютъ при этомъ выстрѣлъ, эти выстрѣлы должны были послужить сигналомъ, по которому всѣ черногорцы кинулись бы на своихъ ближайшихъ потурченцевъ. Какъ было условлено, такъ и сдѣлано. Одни были тутъ же убиты, другіе успѣли уйти, а иные, тутъ же отрекшіеся отъ Магомета, были пощажены.

Къ утру во всей Черногоріи не осталось ни одного потурченца.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что это отнюдь не было избіеніемъ безоружныхъ. Потурченцы были богаты и потому имѣли возможность пріобрѣсти оружіе скорѣе, чѣмъ черногорцы, и не застигнуты они были врасплохъ, такъ какъ у нихъ между черногорцами были доброжелатели и друзья и шпіоны. Поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ завязывался жестокій бой, не мало жертвъ унесшій и у черногорцевъ.

Очистивши Черногорію отъ домашнихъ турокъ, владыка Данииль прежде всего принимается за постройку церкви и монастырскихъ зданій, но уже на другомъ мѣстѣ, прислонивши ихъ къ скаламъ и имѣя въ виду болѣе удобную защиту.

Въ 1704 г. церковь была готова, привезенъ колоколъ, отлитый въ Венеціи, и зазвонилъ, призывая черногорцевъ на молитву; не слышится больше голоса муэдзина и разрушенъ минаретъ, съ котораго онъ призывалъ правовѣрныхъ.

Народъ черногорскій воспрянулъ духомъ; но нужно было ждать, что прогнанные изъ Черногоріи потурченцы будутъ мстить и наведутъ

на неё турокъ. Въ 1706 г. и было сдѣлано нападеніе со стороны Никшича, въ которомъ участвовали и турки Босніи и Герцеговины. Нападеніе это, однако, было обычнымъ набѣгомъ и было отражено черногорцами съ большимъ урономъ и посрамленіемъ турокъ. Но Турція, какъ держава, не могла попустить этого черногорцамъ безнаказанно. Нужно было готовиться къ этому; а Венеція, откуда единственно получались свинець и порохъ, съ 1692 г. совершенно отвернулась отъ Черногоріи. Испытавши неудачу въ попыткѣ превратить Черногорію въ свою провинцію, Венеція никакъ не мирилась съ тѣмъ, чтобы этотъ уголокъ съ его весьма немногочисленнымъ населеніемъ оставался независимымъ, и склонялась скорѣе предать его Турціи.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, раньше или позже, Черногорія должна была сдѣлаться, если не венеціанскою, то турецкою. Безвыходное положеніе ея въ сущности не измѣнилось. Вопросъ ея независимаго существованія былъ только вопросомъ времени. Въ такомъ положеніи проходятъ годъ за годомъ; ни Турція не предпринимаетъ ничего противъ Черногоріи, занятая другими дѣлами внутренними и внѣшними на сѣверо-восточной границѣ; ни откуда либо съ другой стороны не открывается никакого просвѣта.

Таковъ былъ въ Черногоріи канунъ, передъ вступленіемъ ея въ сношенія съ Россіей, которое произошло неожиданно.

II.

Черногорія вступаетъ въ сношенія съ Россіей.

Посланники Петра Великаго на Цетиньѣ.—Народное возбужденіе.—Побѣда на Царевомъ-лазѣ 1712 г.—Разгромъ Цетинья въ 1714 г.—Отчаянное положеніе Черногоріи.—Милостивыя грамоты Петра Великаго.—Договоръ и установленіе постоянной связи между Черногоріей и Россіей.

Весной 1711 г. являются на Цетинье какіе-то два человекъ, говорящіе однимъ съ черногорцами языкомъ и объявляющіе себя посланниками православнаго русскаго царя, который съ ними шлетъ черногорскому народу грамоту, призывающую его возстать на турокъ.

Это были — полковникъ Михайло Милорадовичъ, герцеговинецъ изъ знатнаго рода Охмучевичей, и капитанъ Иванъ Лукачевичъ подгоричанинъ, родъ котораго и теперь существуетъ въ Подгорицѣ.

Явились они дѣйствительно посланниками Петра Великаго, который, выступая въ прутскій походъ, призывалъ черногорцевъ къ возстанію, чтобы сдѣлать диверсію турецкихъ силъ.

Приведемъ здѣсь вкратцѣ содержаніе этого письма-воззванія, такъ

какъ оно интересно не однимъ содержаніемъ, а еще больше тономъ, въ которомъ царь обращается къ черногорцамъ.

Напомнивъ имъ славу и важную роль прежнихъ сербскихъ королей и князей, Петръ Великій призываетъ ихъ возобновить славу своихъ предковъ и соединенными силами ударить на общаго непріятеля за вѣру и отечество, за честь, свободу и независимость свою и своихъ потомковъ. Не обѣщая много, онъ указываетъ, что прежде всего наградить ихъ Богъ. „А затѣмъ—продолжаетъ письмо—будетъ милость и отъ насъ: не только вознаграждены будутъ всѣ издержки, но каждый получитъ по своей заслугѣ и по желанію, такъ какъ для себя мы не оставляемъ иной славы, какъ только быть въ состояніи освободить отъ ига невѣрныхъ христіанскіе народы, находящіеся на вашей сторонѣ, возобновить православныя церкви и воздвигнуть святой крестъ“. Для этой цѣли онъ обѣщаетъ отдать послѣднюю копѣйку и лично стать во главѣ своего войска, горящаго нетерпѣніемъ сразиться съ непріателемъ своей вѣры и испытаннаго въ бояхъ; а конечною цѣлью ставить прогнаніе турокъ въ ихъ прежнее отечество, въ пустыни Аравіи. Въ этомъ слышится тонъ увѣренности, которая совершенно уместна въ побѣдителя (подъ Полтавой) Карла XII, перваго полководца своего времени, и въ то же время чувствуется истинно братское отношеніе къ единовѣрному и единоплеменному черногорскому народу.

Моментально—можно сказать—поднялись не только черногорцы, но и сербы въ Зетѣ и сосѣднихъ частяхъ Герцеговины. Не успѣли турки собраться, какъ сожжены были всѣ ближайшія турецкія поселенія, и затѣмъ черногорцы при содѣйствіи мѣстныхъ жителей осадили турецкія крѣпости—Никшичь, Спужь, Подгорицу и Жаблякъ. И крѣпости эти готовы были сдаться, какъ получено было извѣстіе, что Петръ, окруженный турками при р. Прутѣ, заключилъ съ ними миръ и поручалъ черногорцамъ прекратить военныя дѣйствія и удалиться въ свои горы. „Радость—говоритъ народная пѣсня того времени—продолжалась всего одинъ мѣсяць съ половиной, и скоро обратилась для сербовъ въ скорбь и горе. Дошли недобрыя вѣсти, что Петръ помирился съ туркомъ не по доброй волѣ, а по неволѣ.—*Заплакали малъ и великъ; всякъ горевалъ объ царь православномъ*“.

Дѣйствительно, скорбь народа должна была быть глубока. Никогда онъ не напрягалъ такъ всѣхъ своихъ силъ и не шелъ съ такимъ одушевленіемъ, какъ теперь, когда у него явилась увѣренность, что пришелъ конецъ его безвыходному положенію.

А тутъ посланники великаго царя тогда же покинули Черногорію, и она попрежнему осталась, по словамъ ея историка Сима Милутиновича, „безъ нигдѣ ништа до съ голіемъ юнаштвоу“ (нигдѣ нѣтъ ничего, кромѣ одной храбрости), имѣя передъ собою „самосилнога цара отоманскога“, который „сумѣлъ провести и смирить всю надежду и опору черногорскую, благочестиваго царя Петра“.

Первымъ слѣдствіемъ было нападеніе турокъ въ 1712 г. Это не былъ набѣгъ, какіе были и со стороны Никшича подъ предводительствомъ герцеговинскихъ и боснійскихъ беговъ: главный правитель края Серескеръ-паша въ Подгорицѣ собралъ огромное войско отъ Никшича и со всей окрестности Подгорицы; тутъ были албанцы не только ближайшіе, но и болѣе отдаленные—клименты и сербское племя кучи. Всего войска, какъ говоритъ преданіе, собрано было до 50.000 (а въ пѣснѣ одинъ турокъ хвалился, что ихъ 100.700 чел.).

Но турки въ этомъ случаѣ ошиблись. Они забрались внутрь Черногоріи въ такія тущобы, гдѣ такому большому войску негдѣ было повернуться, и они потерпѣли полное пораженіе.

Эта побѣда увѣковѣчила Царевъ-лазъ, мѣстность, гдѣ происходила битва, и считается самою знаменитою въ исторіи Черногоріи по числу убитыхъ враговъ и по количеству военныхъ трофеевъ: кромѣ массы оружія, захвачено было 86 знаменъ, которыми означались отдѣльныя части войска.

У черногорцевъ также убито было до 300 чел. и множество ранено. Владыка Даніиль, сражаясь въ серединѣ войска, получилъ сабельный ударъ, который могъ быть смертельнымъ, если бы не спасъ висѣвшій на груди крестъ-панагія.

Побѣда эта не принесла, однако, Черногоріи никакой пользы и только еще больше раздражила Турцію. Ей стало грозить новое нападеніе, къ которому опять стали готовиться турки.

Тогда (въ ноябрѣ 1713 г.) владыка отправляетъ въ Петербургъ архимандрита Максима съ письмомъ къ Петру Великому, въ которомъ описываетъ положеніе Черногоріи и заключаетъ такъ: „и венеціане озлобляютъ насъ тайнымъ лукавствомъ, сносятся съ турками къ нашему вреду, не пропускаютъ купцовъ ни своихъ къ намъ, ни нашихъ къ себѣ; торговля остановилась и народъ живетъ въ тѣснотѣ и скудости. Премилостивѣйшій государь! царь непобѣдимый! призри на озлобленіе наше, наставъ насъ, что намъ дѣлать и какъ отъ враговъ нашихъ спасеніе получить“¹⁾?

¹⁾ Соловьевъ, т. XIV, стр. 122.

Отвѣта никакого, и посланникъ не возвращается.

Между тѣмъ за два года, протекшіе отъ Царева-лаза, Турція имѣла время надуматься и приготовиться. И вотъ подъ осень 1714 г. является визирь Нуманъ-паша-Тюприличъ со стотысячною арміею, составленною не изъ мѣстныхъ только турокъ и албанцевъ, а отборною, въ которой ядро составляли страшные въ то время янычары. Но, чтобы вѣрнѣе нанести ударъ, визирь прибѣгнулъ къ хитрости. Прибывъ въ Подгорицу, онъ выразилъ желаніе вступить въ переговоры съ черногорскими главарями, для чего послѣдніе въ числѣ 37 первыхъ людей Черногоріи и отправились къ нему „на вѣру“, т. е. на обѣщанную имъ, какъ посланникамъ, неприкосновенность. Но главари эти, какъ только прибыли въ турецкій лагерь, были схвачены, а потомъ повѣшены, и только тогда турки двинулись на Черногорію въ увѣренности, что послѣ этого они нигдѣ не встрѣтятъ сопротивленія. Въ этомъ отношеніи визирь, однако, ошибся въ расчетъ: Цетинья удалось ему достигнуть только послѣ пяти дней непрерывнаго боя. И тогда только—по словамъ лѣтописи—онъ „пожеже Черногору и расыпа церковь и монастырь“.

Владыка спасся, скрывшись въ одной пещерѣ въ горахъ между Черногоріей и венеціанскимъ приморьемъ. Сохранилось отъ того времени его письмо къ брату Раду Петровичу въ Нѣгушахъ по поводу какого-то Бута, затѣвавшего что-то постыдное въ родѣ подчиненія Турціи. Въ немъ онъ, убѣждая брата не допустить этого, о себѣ заявляетъ: „знай, что я—*московъ, московъ!*“, т. е. русскій.

Въ Россіи извѣстіе объ этомъ разгромѣ Черногоріи произвело такое впечатлѣніе, что потеряна была всякая надежда на ея восстановленіе, и въ отвѣтъ архим. Максиму предлагалось всѣмъ главарямъ переселиться въ Россію, гдѣ имъ обѣщали землю, а также и монахамъ предоставлялось размѣститься по русскимъ монастырямъ. „А грамотъ къ митрополиту и народу—передаетъ отвѣтъ—теперь послать нельзя, ибо неизвѣстно, гдѣ они теперь обрѣтаются: есть извѣстіе, что они турками разогнаны и укрываются по разнымъ мѣстамъ“ (Солов. XVI, 130).

Въ дѣйствительности же турки въ тотъ же день удалились изъ Черногоріи черезъ венеціанскую территорію, гдѣ вырѣзали черногорскія семейства, искавшія убѣжища подъ защитою Венеціи.

Эта потеря семействъ, гибель ни въ чемъ неповинныхъ женщинъ, дѣтей и старцевъ была самымъ тяжелымъ ударомъ для черногорцевъ, а разореніе жилищъ не имѣло никакого значенія. Жилища были

тотчасъ возстановлены и приступлено къ возстановленію монастыря и церквей. Для этого собственныхъ средствъ не доставало, и потому въ началѣ 1715 г. влад. Даніиль отправился за помощью въ Россію. Результаты этой поѣздки выражены въ двухъ грамотахъ Петра Великаго черногорскому народу и влад. Даніилу.

Въ первой грамотѣ Петръ заявляетъ, что ему вполне извѣстно все, что перетерпѣли черногорцы, и потому, движимый состраданіемъ, онъ немедленно велѣлъ во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ своего православнаго царства вознести молитву къ Богу о пострадавшихъ за Христову вѣру, да получаютъ они награду мучениковъ. Затѣмъ онъ обращается къ оставшимся въ живыхъ доблестнымъ воинамъ и, воздавъ имъ должную публичную похвалу, съ прискорбіемъ заявляетъ, что вслѣдствіе большихъ издержекъ, вызванныхъ продолжительною войною съ еретическимъ королемъ Швеціи, онъ не можетъ вознаградить ихъ сообразно съ ихъ заслугами и жертвами и только, чтобы сколько-нибудь выразить свою признательность, „посылаемъ чиновникамъ вашимъ 160 золотыхъ персонъ нашихъ, да денегъ 5000 рублей на вспоможеніе разореннымъ людямъ и болше въ той случай трудовъ понесшихъ. Да ему же преосвященному митрополиту на расплату долговъ его, въ семь случаѣ учиненныхъ и на созданіе разоренныхъ церквей и монастырей 5000-же рублей. А впредь, когда мы миръ благополучной получимъ и отъ претяжкихъ воинскихъ иждивеній освободимся, не оставимъ за ту вѣрную службу нашею царскою милостію вкупе наградити. Сего ради совѣтуемъ и вамъ имѣть миръ; ежели же бы оный паки на насъ и на государства наши войну всчалъ, и въ такомъ случаѣ желаемъ отъ васъ паки поединовѣрїю и *единоязычїю* оружію нашему помощи“ (С. Милут. 65—67). Обращаемъ вниманіе на употребленное здѣсь слово „*единоязычїе*“, въ которомъ отражается уже идея національности, тогда какъ въ сношеніяхъ прежнихъ царей съ христіанами Балканскаго полуострова на національность не обращалось никакого вниманія.

Въ грамотѣ влад. Даніилу за перечисленіемъ всего, что дается для снабженія церквей различными церковными принадлежностями, читаемъ слѣдующее: „Также соизволяемъ изъ Митрополиі Скандерійской и Приморія, изъ монастыря Рождества Пресвятыя Богородицы Цетиньскаго въ Черной Горѣ обрѣтающагося въ предидущія времена присылаемымъ прїѣзжать въ государство наше, а именно къ Москве, и сюды ко двору нашему въ Санктпетербургъ въ третей годъ по милостыню, а въ прїѣздѣ сихъ быть по два и по три монаха, да по

два жъ или по три человѣка изъ бельцовъ, съ которыми посылать въ тотъ монастырь въ такой указной годъ по пятисотъ рублей. Да прїѣзжимъ монахомъ и бельцомъ давать кормъ и питье и на отпускѣ жалованье и подводы *противъ иныхъ такихъ же прїѣзжающихъ изъ греческихъ и другихъ подъ томъ агаранскимъ обрѣтающихся благочестивыхъ монастырей*“ (тамъ-же 68—70).

Здѣсь также слѣдуетъ отмѣтить предпочтеніе монастырямъ „единоязычнаго“ русскимъ черногорскаго народа передъ греческими и другими.

Кромѣ этихъ двухъ „жалованныхъ“ или „милостныхъ“ грамотъ, существуетъ еще одинъ документъ, имѣющій смыслъ форменнаго договора между Россіей и Черногоріей, въ которомъ изложены ихъ взаимныя обязательства и вообще взаимныя отношенія.

Это—грамота, которая, какъ значитъ въ концѣ, „писа се на сбору чрногорскому на Цетинѣ априла 16 г. 1712“¹⁾. Подписана она М. Милорадовичемъ и начинается, какъ всѣ царскія грамоты: „Мы Божією милостію великій Полковникъ и Кавалеръ Благочестиваго Царя Петра Алексіевича перваго Императора и непобѣдимаго Монарха всея великія и малія и белія Россіи Самодержца и надмногими Государствы Государь и обладатель Втораго Константина великаго: Даемъ разумѣти“ и т. д.

Языкъ этого документа сербскій, приближенный къ русскому officialному того времени. Приведемъ изъ него самыя существенныя мѣста по-русски.

Указавъ на „вѣрныя службы юнаковъ и храбрыхъ и вѣрныхъ черногорскихъ витязей, которые самыя первые начали воевать за благочестиваго царя Петра“, онъ продолжаетъ: „За это мы допускаемъ имъ полную свободу быть самовластными (автономными), чтобы не было надъ ними никакого государя, кромѣ царя (Петра); а другихъ, меньшихъ господъ и офицеровъ должны имѣть изъ своихъ племенъ и изъ своего отечества; а изъ другой земли и изъ другого племени, чтобы не было между ними никогда ни воеводы, ни князя (общинный старшина), ни капитана и никакихъ старшинъ, кромѣ царя, знать только царскій законъ и судъ, и въ духовныхъ дѣлахъ митрополитъ, какъ мы ихъ застали и какъ то было при Иванѣ Черноевичѣ. И духовный пастырь и архіереи должны быть изъ ихъ племени и отече-

¹⁾ Напечатано у С. Милутиновича, стр. 55—57, а рукописный оригиналь находится на Цетинѣ.

ства, какъ и воеводы, князи, капитаны и всякіе офицеры изъ своего отечества, и изъ другой земли ни въ какомъ случаѣ“. Далѣе они освобождаются отъ всякихъ государственныхъ податей и повинностей, „только съ мечемъ и ружьемъ въ рукахъ они несутъ военную службу царю; а другихъ какихъ либо повинностей нѣтъ“. „Если бы кто отправлялся со своею торговлею въ страну, которою допустилъ бы Богъ владѣть царю, то ни одинъ черногорецъ не долженъ платить таможенной пошлины и никакой подати, ни на какую торговлю ни на малую, ни на большую, отъ всего этого они совсѣмъ свободны и чисты. Все имъ допускаемъ“. Не допускается только касаться церковныхъ имуществъ и мѣшаться въ церковныя дѣла, подлежащія вѣдѣнію митрополита. И наконецъ они „имѣютъ право въ каждомъ градѣ свободно ходить съ мечемъ на поясѣ и во всемъ оружїи имѣютъ право выступить предъ великимъ господаремъ; а за то они должны быть готовы съ оружіемъ въ рукахъ воевать за царя въ своемъ краю, на своемъ содержанїи; царь долженъ давать имъ только свинецъ и порохъ и, у кого нѣтъ, мечъ и ружье, но это только во время войны, а въ мирное время они не требуютъ ничего отъ царя, ни царь не требуетъ отъ нихъ ничего, ни другой какой либо господарь. И если-бы царь призывалъ ихъ воевать въ другомъ краю, то не можетъ принуждать ихъ силой, а только по желанїю послужить царю добровольно, и тогда царь даетъ ему все содержанїе и всѣ военныя принадлежности. Такъ мы составили эту грамоту, и да не будетъ она никогда нарушена, но утверждена присягою“.

Это—формальный договоръ между Россїей и Черногорїей, опредѣляющій ихъ взаимныя отношенія, что должны дѣлать черногорцы по требованію русскаго царя и чѣмъ они отъ него пользуются. Русскій царь признается сувереномъ; но во внутреннія дѣла черногорцевъ онъ не мѣшается, а подчиняются ему они только во время войны съ общимъ непрїателемъ, которая для нихъ въ своихъ предѣлахъ обязательна, и онъ даетъ имъ всѣ необходимыя для того средства. Въ главномъ это военная конвенція. Русскій царь объявляется сувереномъ, потому что, по тогдашнимъ понятїямъ, рядомъ съ духовнымъ владыкой, необходимо долженъ быть свѣтскій государь, хотя бы и выборный, а такого у черногорцевъ не было, и суверенами ихъ считали себя турецкій султанъ, венеціанскій дожъ и могли найтись другіе претенденты, такъ какъ это мѣсто было праздно. Противъ этого послѣдняго и выставлялось суверенство русскаго царя.

Главную цѣль этого договора, кромѣ военной, составляло преду-

предить подчиненіе Черногоріи какому либо другому государю. Поэтому неоднократно повторяется, чтобы во всемъ внутреннемъ управленіи всѣ власти были черногорцы и никого не было бы изъ чужой земли.

Такъ начались сношенія Россіи съ Черногоріей.

Но откуда и кому пришла мысль этихъ сношеній и что послужило поводомъ,—этому вопросу мы посвящаемъ слѣдующую главу.

III.

Петръ Великій и стремленіе его на югъ.

Мы знаемъ теперь, когда и какъ завязались сношенія Черногоріи съ Россією. На первый взглядъ это представляетъ что-то случайное и для одной стороны (для Черногоріи) неожиданное.

Инициатива принадлежитъ Петру Великому, котораго обстоятельства (предпринимаемый походъ противъ Турціи) принуждали искать союзниковъ.

Прежде всего онъ естественно постарался договориться съ ближайшими сосѣдями, господами Молдавіи и Валахіи. Обратились сами къ нему сербы, покинувшіе свою родину на Балканскомъ полуостровѣ и поселившіеся въ Австріи, и съ ними ихъ патріархъ Арсеній Черноевичъ. Особая депутація ихъ приходила къ Петру съ просьбою дать и имъ присоединиться къ его походу на Турцію и обѣщала выставить 16.000 чел.

Съ этими сербами Петръ Великій давно уже былъ въ сношеніяхъ и былъ ихъ ходатаемъ и защитникомъ противъ тѣхъ насилій, которыя имъ чинились въ ихъ новомъ отечествѣ.

Но Черногорія была отъ него слишкомъ далека и неоткуда ему было знать объ ней, потому что, какъ мы указали выше, Турція и Венеція совершенно изолировали ее отъ цѣлаго свѣта и, кромѣ нихъ, никто въ Европѣ и не зналъ о существованіи Черногоріи.

Но зналъ ее патріархъ Арсеній Черноевичъ, самъ черногорецъ, незадолго передъ тѣмъ прожившій въ Черногоріи три года, знавшій и владыку Даниїла, котораго въ 1700 г. посвятилъ въ епископы. Въ то же время онъ находился въ сношеніяхъ съ Петромъ Великимъ. Поэтому естественно предположить, что отъ патр. Арсенія Петръ могъ узнать и о Черногоріи. Но прямое указаніе Петру Великому на Черногорію приписываютъ Саввѣ Владисавлевичу, который также бывалъ въ Черногоріи, а у Петра Великаго, какъ видно и изъ дальнѣйшей

исторіи, онъ былъ однимъ изъ совѣтниковъ. Но откуда и какимъ образомъ появились при Петрѣ этотъ С. Владисавлевичъ, а потомъ Милорадовичъ и Лукачевичъ? Были, безъ сомнѣнія, и другіе славяне. Это уже не случайность.

Во время путешествія за границу въ Вѣнѣ къ Петру приходили славяне, и онъ при этомъ обратилъ вниманіе на близость ихъ языка къ русскому. Тутъ же завязались у него такія отношенія, что австрійское правительство сочло необходимымъ принять мѣры противъ этого и не допускать славянъ къ русскому царю.

Мы уже говорили, съ какими чувствами и надеждами съ давнихъ временъ обращались къ русскимъ царямъ христіане Балканскаго полуострова, исключительно православные; а къ Петру Великому обращались и католики славяне. Въ 1710 г. пишетъ оду, прославляющую Петра Великаго, Игнатій Градичъ, дубровчанинъ, іезуитъ и потомъ каноникъ. Въ этой одѣ, носящей заглавіе „Plam Sieverski“, онъ взываетъ къ Петру: „Пали и руби невѣрныхъ, пусть они задохнутся и погибнутъ въ рѣкѣ собственной крови! Защити честь истинно вѣрующихъ и освободи ихъ отъ рабства“ и т. д. Вотъ какъ онъ характеризуетъ Петра: „Дѣла его извѣстны всему міру; слава дѣлъ его не погибнетъ, пока солнце будетъ сіять и рѣки течь къ морю. Никогда на свѣтѣ не услышатъ о такихъ доблестяхъ, о такомъ могуществѣ, какимъ обладаетъ Петръ; никогда солнце не откроетъ подобнаго ему витязя!“

Позже, въ 1717 г. пишетъ оду Петру Великому также дубровчанинъ, священникъ Стефанъ Ружичъ.

Неизвѣстный писатель составляетъ оду: „La felicità commune: Voto di Pietro il grande, czar delle Russie“. Иеронимъ Каваньини (1640—1714 г.), властелинъ сплѣтскій и трогирскій, написалъ поэму: „Bogatstvo i ubojstvo“, которое завѣщалъ посвятить Петру Великому, что и исполнилъ одинъ изъ его потомковъ, напечатавши поэму въ 1861 г. въ Загребѣ.

Не говоримъ о жизнеописаніяхъ Петра Великаго позднѣйшаго времени.

Неудивительно послѣ этого, что при немъ было много славянъ, главнымъ образомъ южныхъ. Искаль и онъ славянъ и старался разузнать, гдѣ они живутъ и что собою представляютъ.

Въ этомъ отношеніи очень интересна занесенная въ официальную переписку Петра посылка 2-го октября 1697 г. изъ Гаги „въ Шклявонскую землю изъ дворянъ Григорія Островскаго для нѣкоторыхъ

дѣль тайно“¹⁾. Въ данныхъ ему статьяхъ написано: „1. Ъхать изъ Гаги, развѣдавъ подлинно, на которые земли и мѣста ближе и податнѣе, до Словенской или Словацкой и до Шклявонской земли“.

Далѣе поручается разузнать, подѣ какимъ государемъ Шклявонская земля находится, много ли у нихъ городовъ и другихъ „знатныхъ мѣсть“, чѣмъ они больше занимаются и есть ли у нихъ „шкиперы, боцманы, штурманы и матрозы, которые бѣ служили или нынѣ служатъ на воинскихъ корабляхъ?“... 4. „Да потомъ провѣдать: тотъ славенской народъ славянскій ли языкъ употребляютъ, и мочно ли съ ними русскому человѣку о всемъ говорить и разумѣть; и изъ нихъ какова ни есть чина *человѣка того славенскаго народа и языка привезть съ собою въ Амстердамъ, для познанія языка ихъ*“, и т. д. „А будетъ словаки языкъ сей употребляютъ не противъ русскаго языка, и узнать его, что они говорятъ, русскому человѣку будетъ не мочно, и такихъ начальныхъ людей нѣтъ, и ему *ѣхать въ Венецію провѣдать: есть ли въ Венеции начальные люди, которые-бѣ умѣли славянскаго языка, морскаго искусства, и много-ль тамъ того языка и иныхъ языковъ такихъ людей?* и буде ихъ нанимать въ государеву службу, поѣдутъ ли и почему похотятъ?“...

Но Островскій, возвратившись въ Амстердамъ 23-го декабря 1697 г., привезъ двухъ „капитановъ греческія вѣры; а по даннымъ ему статьямъ въ Шклявонію не ѣздилъ и ничего не учинилъ и, бывъ въ Венеціи только, возвратился безъ дѣла“ (стр. 68—69 въ сноскѣ). Замѣчательно то, что въ такомъ чисто практическомъ дѣлѣ, какъ морское, въ которомъ національность не играетъ никакой роли и которое такъ высоко поставлено было въ Голландіи, гдѣ и самъ Петръ его изучаетъ, ему необходимы моряки славяне, вслѣдствіе чего онъ ихъ и разыскиваетъ. И въ то же время „многое число благородныхъ онъ послалъ въ Голландію и другіе государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго“. Именно посланы были 22 въ Англию и Голландію и 28 въ Италію, главнымъ образомъ въ Венецію²⁾. Изъ числа послѣднихъ 12 человѣкъ попали въ г. Перастъ въ Боккѣ-Которской, гдѣ и занимались „навигацкою наукой“ подѣ руководствомъ извѣстнаго тогда учителя Мартиновича.

Въ Перастѣ въ ратушѣ до сихъ поръ находится большая картина масляными красками, изображающая этихъ учениковъ съ ихъ

¹⁾ А. Кочубинскій, Мы и Они (1711—1878). Очерки исторіи и политики славянъ. Одесса, 1878.

²⁾ С. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIV, втор. изд. М. 1871 г., стр. 221.

учителемъ. Мѣсто это было избрано потому, что оно было населено славянами, близкими къ русскимъ по своему языку, на что Петромъ постоянно обращалось вниманіе.

„Единоязычіе“, какъ мы указали выше, упоминается въ договорной грамотѣ Петра Великаго съ черногорцами.

Изъ одного документа, хранящагося въ архивѣ нашего св. Синода, мы узнаемъ, что съ дозволенія Петра Великаго была построена деревянная церковь „въ городѣ Фіумѣ, что на Адриатикѣ“, „понеже около онаго мѣста безчисленные *россійскаго языка обрѣтаются народы*“¹⁾. Потребовалось сдѣлать съ нѣмецкаго переводъ сочиненія „Вещественнаго состоянія вѣдомости и обходительства лексикона Гибнерова“; онъ дѣлается въ Прагѣ, гдѣ находятся для того переводчики іезуиты, а въ помощь имъ для русскаго языка посылаются русскіе, которые и остаются тамъ съ 1716—20 г.²⁾

Почему переводъ этотъ дѣлается не въ Вѣнѣ, гдѣ въ то время при цесарскомъ дворѣ находился русскій резидентъ Аврамъ Веселовскій? А этотъ самый Веселовскій изъ Вѣны отправляется въ Прагу и остается тамъ, гдѣ уже находились, какъ доносить онъ графу Ив. Ал. Мусину-Пушкину,— „славянолатинской московской академіи бывший тогда префектъ Теофанъ Кроминъ, да філософіи студентъ Ив. Воейковъ, а для переписки переводовъ я изъ школы піитики, да его графскаго сіятельства изъ денщиковъ Василій Мамышевъ“? Это—цѣлая русская колонія въ чешской Прагѣ, которая и набиралась тамъ славянскаго духа.

Что же касается сербовъ, бѣжавшихъ изъ Турціи въ Австрію и заселившихъ пустыни Венгріи, то Петръ находился въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ ними. Къ нему постоянно обращались съ письмами по разнымъ дѣламъ патріархъ Арсеній Черноевичъ и другіе сербскіе вожди, и Петръ открыто старается имъ покровительствовать. Его резиденты нарочно объѣзжали эти сербскія поселенія, чтобы видѣть, какъ они живутъ; при этомъ они были встрѣчаемы торжественно и принимали отъ нихъ жалобы на чинимыя имъ мѣстными властями обиды, вслѣдствіе чего предпринимались ходатайства передъ высшимъ австрійскимъ правительствомъ, которое, какъ бы то ни было ему непріятно, не могло не принимать ихъ представленій во вниманіе и дѣлало сербамъ нѣкоторыя уступки.

¹⁾ Описаніе документовъ и т. д. Т. I, стр. 674.

²⁾ Тамъ же, т. II, ч. 1, въ приложеніи XLIV.

Сербскія церкви снабжались изъ Россіи книгами, иконами и другими церковными принадлежностями, а въ школахъ были русскіе учителя.

Въ документахъ св. синода находится очень интересное въ этомъ отношеніи дѣло о поѣздкѣ въ Сербію учителемъ синодальнаго переводчика Максима Суворова, назначеннаго въ 1724 г., а прибывшаго на мѣсто въ Бѣлградъ только осенью 1725 г. (т. II, ч. 1, стр. 323—472). Дѣятельность и корреспонденція этого учителя относятся къ позднѣйшему времени, но назначенъ онъ былъ Петромъ Великимъ и находился въ Бѣлградѣ, Карловцахъ и въ другихъ мѣстахъ, учительствуя до 1739 г. Между прочимъ и онъ прежде попалъ въ Прагу. Въ упомянутыхъ документахъ (т. IV, стр. 457—458) есть такая запись отъ 13-го января 1725 г.: переводчикъ Максимъ Суворовъ, командированный св. синодомъ въ сербскую землю для ученія дѣтей славянскому и латинскому языкамъ, просилъ взять отъ него въ синодальную библіотеку книги на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ въ количествѣ 100 экземпляровъ, прибрѣтенныхъ имъ въ Прагѣ за 50 рублей, и вмѣсто ихъ на таковую же сумму выдать изъ типографіи славяно-русскія книги, а также дать готовыя на учебную азбуку литеры, которыми бы онъ могъ въ сербской землѣ печатать азбуки, объяснивъ при этомъ, что „сербскія дѣти учатся славянскому языку, за неимѣніемъ типа, по рукописнымъ азбукамъ, а ежели много будетъ учащихся, то рукописаніемъ вполнѣ удовольствоваться не можно“.

Въ Прагѣ же онъ и женился на чешкѣ и потомъ просилъ для приведенія ея въ православіе помазать муромъ, на что св. синодъ отвѣтилъ, что этого не нужно, въ виду того, что она была католичка изъ Чехіи и конфирмована римско-католическимъ бискупомъ въ Прагѣ въ 1718 г.

Въ одномъ мѣстѣ М. Суворовъ сообщаетъ, что онъ продалъ книгъ болѣе чѣмъ на 100 дукатовъ, а потомъ отъ него же узнаемъ, что тамъ велась постоянная торговля книгами и иконами, которую производили торговцы, пріѣзжавшіе изъ Россіи, и между ними упоминаются „володимерцы столника Димитрія Ив. Бутурлина села Палежа жители: Михайка Алексѣевъ сынъ Вакуровъ, Петръ Андреевъ сынъ Поповъ, Иванъ Васильевъ сынъ Салатинъ съ товарищи“. Это—офени, которые впоследствии вели ту же торговлю по всему Балканскому полуострову до недавняго времени; даже вскорѣ послѣ Берлинскаго трактата одинъ, Индюшкинъ, побывавши въ разныхъ мѣстахъ и въ

Греціи, прибылъ на своей лошади въ телѣгѣ и въ Черногорію. Впослѣдствіи въ Австріи они терпѣли стѣсненія со стороны правительства, а заступиться за нихъ было некому, и такъ эта торговля въ австрійскихъ земляхъ въ сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія прекратилась.

Это было начало нашего литературнаго общенія съ сербами, когда они писали на сербо-русско-славянскомъ языкѣ.

Заводя сношенія съ славянами на практической почвѣ, ища въ нихъ союзниковъ для достиженія политической цѣли, Петръ Великій положилъ начало и теоретическому изученію славянства. По его приказанію переведена была на русскій языкъ книга Мавро Орбини— „Il regno degli Slavi 1601 г. Pesaro“. Насколько онъ интересовался этимъ сочиненіемъ, видно изъ того, что, находясь въ 1722 г. въ Астрахани, онъ съ курьеромъ послалъ св. синоду указъ, чтобы эту книгу, если она напечатана, прислали ему въ Астрахань, и если нѣтъ, то немедленно напечатать (Докум., т. II, ч. 2, стр. 97).

Правда, интересъ къ славянству возбуждаютъ въ немъ окружавшіе его славяне, между которыми, какъ мы видѣли, видную роль игралъ Савва Владисавлевичъ. Но почему этого не было прежде? Къ царю Алексѣю Михайловичу явился хорватскій панславистъ Юрій Крижаничъ, но онъ со своими идеями окончилъ свою жизнь въ Сибири. Къ Петру же являются славяне и встрѣчаютъ самый горячій пріемъ. Всѣ они находятъ въ Россіи мѣсто и дѣло. При немъ началось поступленіе славянъ, преимущественно южныхъ, на русскую службу, и это продолжалось послѣ него. Особенно много ихъ изъ Бокки-Которской и Далмаціи оказывается въ русскомъ флотѣ.

В. И. Григоровичъ въ рѣчи на день свв. Кирилла и Меѳодія въ Одесскомъ университетѣ въ 1876 г.¹⁾ приводитъ длинный рядъ именъ этихъ славянъ въ русской службѣ на разныхъ поприщахъ— на военномъ, торговопромышленномъ и народнаго просвѣщенія, и первыми являются отъ времени Петра Великаго.

Его розыскъ „Шклявоніи“ не остался безъ послѣдствій; благодаря этому часть русскихъ обучается въ ней морской наукѣ, а эти „шклявоны“, хорошіе моряки, устремляются на службу въ русскій флотъ.

Въ „Запискахъ Ив. Ив. Неплюева 1693—1773 г.“ (изд. Суворина 1893 г.) авторъ подъ 1720 г. упоминаетъ „флагмана Зміевича, въ мор-

¹⁾ Записки Импер. Новорос. универс. 1876 г.

скомъ дѣлѣ весьма искуснаго“ (стр. 96). Это—Зміевичъ, потомъ сдѣлавшійся адмираломъ, родомъ изъ Пераста, гдѣ учились русскіе, которые и могли указать на него Петру.

Замѣчательно, что родной братъ этого Зміевича былъ въ то время архіепископомъ въ Барѣ. Фанатичный католикъ и врагъ православія, онъ писалъ своему брату, жалуясь на черногорскаго владыку Данила, въ 1718 г. разгромившаго окрестности Бара, и поручалъ ему постараться отвратить отъ него Петра Великаго.

Въ глазахъ этихъ славянъ Петръ Великій—царь не русскій только, но славянскій. Это показываетъ, что славянскій характеръ выступалъ во всей его дѣятельности.

Но какъ понималъ онъ это славянство и къ чему оно служило ему? Неужели для того только, чтобы ими наполнять заводимыя имъ вновь учрежденія? Для этого у него были нѣмцы и люди другихъ народностей, которые въ этомъ отношеніи стояли, можетъ быть, выше славянъ. Просвѣщенія онъ ищетъ на Западѣ у нѣмцевъ, голландцевъ, англичанъ, французовъ, итальянцевъ; но онъ ищетъ союза на югѣ съ Дубровникомъ, который отъ него отворачивается по какимъ-то особымъ причинамъ, онъ крѣпко держится за Черногорію, которая могла оказать диверсію турецкихъ силъ на случай войны. Эта диверсія, однако, какъ оказалось на дѣлѣ, не имѣла никакого значенія во время войны Россіи съ Турціей. И при всемъ томъ Петру Великому нужно было, чтобы Черногорія существовала въ тѣхъ краяхъ подъ непремѣннымъ условіемъ не признавать надъ собою власти никакого другого государя, управляясь сама собою, своими мѣстными главарями и митрополитомъ, признавая номинально его, русскаго царя, своимъ царемъ. Это не значило, однако, что онъ стремился къ подчиненію Черногоріи своей власти: ему нуженъ былъ только крѣпкій союзъ съ нею. Господари Молдавіи и Валахіи также называли Петра своимъ царемъ, оставаясь вполнѣ независимыми въ своихъ государствахъ: они искали и имѣли въ немъ защитника противъ всякаго другого, кто захотѣлъ бы лишить ихъ самостоятельности, чего не боялись со стороны Петра, и съ своей стороны обязывались быть съ нимъ заодно противъ его непріятеля. Того же самаго онъ искалъ и въ Черногоріи, которой придавалъ особенное значеніе, судя по тому, какъ горячо онъ относился къ ней все время, когда и не нуждался ни въ какихъ съ ея стороны услугахъ, предусматривая, что когда-нибудь она ему пригодится.

Это находится въ связи съ его общимъ стремленіемъ на югъ.

Прежде чѣмъ обратиться къ Балтійскому морю, онъ строить флотъ на Дону, имѣя въ виду Черное море, и въ 1699 г. на немъ отправляетъ посольство въ Константинополь. Посланники Украинцевъ и Чередеевъ доѣхали сухопутно до Воронежа, а далѣе отправились водою. Прибыли они въ Черкасскъ, гдѣ навстрѣчу имъ выѣхалъ на бударѣ атаманъ Фроль Минаевъ; потомъ въ Азовъ и Таганрогъ, „гдѣ въ двухъ верстахъ (отъ берега) дожидался ихъ сорокашестипушечный корабль *Кръпость*; капитанъ на немъ голландецъ Петръ фонъ-Памбургъ. Отъ Таганрога до Керчи шли Азовскимъ моремъ въ государевомъ морскомъ корабельномъ галерномъ караванѣ, надъ которымъ предводителемъ и правителемъ былъ генераль-адмиралъ Ѳедоръ Алексѣевъ Головинъ; командиромъ на кораблѣ *Апостоль Петръ* былъ самъ государь; кромѣ того было 9 кораблей, 2 галеры, яхта, 2 галіота, 3 бригантина. Въ томъ же караванѣ на четырехъ морскихъ стругахъ шель Донской атаманъ Фроль Минаевъ съ 500-ми выборныхъ казаковъ“ (Соловьевъ. Истор. Р., т. XIV, стр. 304—305).

Паша въ Керчи, видимо, испугался и совѣтовалъ отправиться посольству сухимъ путемъ, страшая тѣмъ, что съ 15-го августа Черное море всегда очень бурно. „Полагаемся на волю Божію, а сухимъ путемъ не поѣдемъ“, отвѣтили посланники и, выйдя 28-го августа, благополучно прибыли въ Константинополь, гдѣ также всѣ удивились: русскій корабль торжественно, при пушечной пальбѣ, вошелъ въ гавань и сталъ на якорѣ противъ сераля (тамъ же, 305—306).

Можно съ увѣренностью сказать, что, строя флотъ на югѣ Россіи и въ видѣ опыта отправляя его съ посольствомъ въ Константинополь, Петръ имѣлъ въ виду плаваніе не по одному Черному морю и вовсе не думалъ о завоеваніи Константинополя и созданіи какой-то русско-византійской имперіи, какъ то было при Екатеринѣ II; его трезвый и дальновидный умъ ограничивался болѣе практическими и удобоисполнимыми стремленіями вывести Россію изъ ея замкнутаго положенія и поднять ея торговлю, открывъ ей путь въ Средиземное море и вступивъ въ обмѣнъ богатствами съ этою колыбелью европейской культуры и цивилизаціи.

Если въ древности этотъ обмѣнъ совершался черезъ грековъ, генуэзцевъ и другихъ мореходовъ того времени, то Петръ хотѣлъ достигнуть этого, не прибѣгая ни къ чьему посредничеству, для чего и долженъ былъ служить флотъ, создававшійся на Черномъ морѣ.

Впослѣдствіи устройство имъ каналовъ для соединенія нашихъ сѣверныхъ рѣкъ съ Волгой и попытка соединенія этой послѣдней съ

Дономъ ¹⁾ подтверждаютъ его главное стремленіе собрать всю Россію съ ея крайняго сѣвера и направить къ югу, къ Черному морю.

Но и Черное море, составляющее предметъ его стремленій, находится въ рукахъ татаръ и турокъ, которые всегда могутъ закрыть его для русскаго флота. И вся южная Россія съ Дономъ, гдѣ Петръ успѣлъ уже кое-какъ основаться, находится подъ вѣчною грозой набѣговъ крымскихъ хановъ, которыхъ поддерживаетъ Турція.

На этомъ стремленіи къ югу главнымъ образомъ и основывается внѣшняя политика Петра Великаго. Но въ то же время онъ не забываетъ своего Бѣлаго моря, а также приходитъ ему на умъ и море Балтійское. Это и приводитъ его въ столкновеніе съ Карломъ XII, хотя непосредственнымъ поводомъ послужили особенныя обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ онъ и ускорилъ разрывъ со Швеціей.

IV.

Внѣшняя политика Петра Великаго.

Возсоединеніе сѣверной и южной Россіи и его значеніе.— Священный союзъ противъ Турціи и приглашеніе къ участию въ немъ Россіи.— Русскіе походы на Крымъ и значеніе ихъ для священнаго союза.— Петръ Великій измѣняетъ военную тактику.— Азовскіе походы и взятіе Азова.— Какъ отнеслись къ этому въ Польшѣ.— Конгрессъ въ Карловцахъ (1697 г.).— Отношеніе къ Петру Великому союзниковъ.— Обращеніе христіанъ Балканскаго полуострова къ Петру Великому.— Польша и ея роль между Восточною и Западною Европой.— Изъ исторіи Польши: германизация и реакція противъ нея; „золотой вѣкъ“ литературы и блестящій періодъ исторіи; иезуиты и поляки, какъ ихъ орудіе въ южной Руси; возстаніе и присоединеніе южной Руси къ сѣверной; внутреннее разложеніе Польши и вмѣшательство иностранныхъ державъ.— Вмѣшательство въ польскія дѣла Петра Великаго и война съ Карломъ XII въ союзѣ съ польскимъ королемъ Августомъ II.— Польша и Австрія.— Планъ Петра Великаго создать противъ Австріи союзное государство изъ Польши и Венгріи.

Присоединеніе южной Руси къ сѣверной вело къ возстановленію русскихъ владѣній на всей восточной половинѣ Европы вплоть до Чернаго моря, отнятыхъ у русскихъ татарами, которые до послѣдняго времени не разъ угрожали даже Кіеву. Это открывало путь и сѣверной Руси непосредственно къ Крыму, чтобы общими силами отнять его изъ рукъ крымскихъ хановъ, признававшихъ надъ собою высшую власть турецкаго султана, что въ свою очередь приводило Россію въ столкновеніе съ Турціей. Съ другой стороны этимъ фак-

¹⁾ Слѣды этого начатаго, но неоконченнаго канала видны до сихъ поръ между г. Камышиномъ и недалеко отъ него протекающей р. Илавлой, впадающей въ Донъ.

томъ полагался конецъ владѣнію поляковъ въ русской землѣ, и это было тѣмъ прочиѣе, что присоединеніе совершилось самостоятельно вслѣдствіе народнаго движенія, охватившаго тогда всю южную Русь. Правда, московское правительство относительно этого заключаетъ договоръ съ Польшею въ Андрусовѣ въ 1667 г. и потомъ въ 1686 г. съ Яномъ Собѣскимъ; но это было только оформленное признаніе поляками совершившагося факта. Отъ претензій на Малороссію поляки не отказывались и послѣ заключенія договоровъ; но они не могли имѣть успѣха, потому что противъ нихъ былъ весь народъ. Въ этомъ заключалась прочность возсоединенія.

Московское правительство поэтому могло быть спокойно за Малороссію и, не касаясь ея внутреннихъ порядковъ, съ полнымъ довѣріемъ относиться къ ея гетманамъ, безъ совѣта съ которыми не предпринимало ничего не только во внутреннихъ дѣлахъ страны, но и во внѣшней политикѣ.

Въ этомъ отношеніи особенно интересны сношенія съ гетманомъ Самойловичемъ, изъ которыхъ мы и приводимъ здѣсь относящееся къ нашей задачѣ, къ внѣшней политикѣ.

Мы уже знаемъ, что послѣ отраженія турокъ отъ Вѣны и послѣдовавшаго затѣмъ пораженія, принудившаго турокъ покинуть Венгрію и уйти въ свои предѣлы за Дунай, у западныхъ державъ возникла идея изгнанія турокъ изъ Европы, для чего и составленъ былъ священный союзъ. Во главѣ его стала Австрія, и къ ней присоединились папа, Венеціанская республика и Польша. Не приняли въ немъ участія только Англія, вообще ведущая свои дѣла отдѣльно отъ континентальной Европы, и Франція, у которой были счеты съ Австріей. Но для союза очень важно было привлечь къ себѣ Россію, которая могла задержать крымскаго хана, во всѣхъ войнахъ Турціи считавшагося правою рукою султана. Это дѣло поручено было польскому королю Яну Собѣскому, и онъ написалъ русскимъ царямъ письмо, въ которомъ, извѣщая ихъ о побѣдѣ, одержанной подъ Вѣной, убѣждалъ, что пришло время изгнать изъ Европы враговъ христіанства, что всѣ христіанскіе государи обѣщаютъ составить войско на весну, а царскимъ величествамъ можно было бы начать войну и зимою. И въ началѣ 1684 г. явились въ Москву полномочные послы цесаря для заключенія союза.

Вопросъ объ этомъ возникалъ еще раньше, когда нужно было оказать помощь Вѣнѣ. И по этому поводу начались сношенія съ гетманомъ Самойловичемъ еще въ маѣ 1683 г. Гетманъ допускалъ

союзъ съ Польшею и другими христіанскими державами, только заключивши впередъ съ Польшею вѣчный миръ, по которому она должна навсегда отказаться отъ Кіева и всей Малороссіи. Но и тогда онъ не вѣритъ полякамъ, потому что они, какъ католики, „питають неизмѣнное чувство вражды къ войску запорожскому и народу малороссійскому“. И, кромѣ того, „хотя бы король польскій съ цесаремъ и дѣйствительно вступили въ союзъ, но если французскій король не будетъ съ ними, то надѣяться на союзъ нечего, потому что французскій король сильнѣе цесаря и короля польскаго, и потому можетъ вредить союзу“ (Солов., т. XIV, стр. 16—17). А въ ноябрѣ 1684 г. по тому же дѣлу пріѣхалъ къ нему въ Батуринъ одинъ изъ самыхъ бойкихъ московскихъ дѣльцовъ, думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ. Онъ говорилъ гетману, что „отказатъ цесарю римскому и королю польскому непристойно, потому что многіе государи христіанскіе помогаютъ имъ въ этой войнѣ“.—„Великіе государи,—продолжалъ Украинцевъ,—хотятъ въ это дѣло вступить не для того только, чтобы помочь цесарю римскому или королю польскому; если вѣчные непріатели церкви Божіей, турки и татары, теперь осиятъ цесаря и короля польскаго и приневолятъ къ миру, то потомъ встанутъ войною и на насъ“. Здѣсь видно пониманіе обоюдности интересовъ и искреннее желаніе Россіи помочь союзникамъ одолѣть врага христіанства.

Но Самойловичъ отлично понималъ союзниковъ и особенно не довѣрялъ полякамъ и потому попрежнему настаиваетъ противъ союза съ поляками и противъ безпричиннаго нарушенія мира, заключеннаго съ крымскимъ ханомъ. Согласиться они не могли. Но въ 1686 г. заключенъ вѣчный миръ съ Собѣскимъ, по которому онъ отказывается отъ Кіева и всей Малороссіи, и Червонная Русь была ему уступлена съ условіемъ, что ея православное населеніе подлежитъ юрисдикціи кіевскаго митрополита. Заключивши, однако, этотъ миръ вслѣдствіе стѣсненнаго положенія, Янъ Собѣскій и послѣ того старался поднять Малороссію противъ Москвы. Въ одномъ перехваченномъ его письмѣ бѣлоцерковному протопопу онъ увѣщаетъ его дѣйствовать въ пользу соединенія съ Польшей и при этомъ говорить: „Нѣтъ той цѣны и такого иждивенія, какого бы я пожалѣлъ на воздвигнутіе воинства казацкаго и всего народа россійскаго“ (Солов., XIV, стр. 28). Не смотря на это, правительство царевны Софьи присоединилось къ священному союзу и въ 1687 г. объявило походъ для завоеванія Крыма.

Походъ этотъ былъ неудаченъ все равно, какъ и слѣдующій весною 1689 г.; а затѣмъ началась смута въ Москвѣ, сверженіе Софьи, и Россіи было не до того, пока не вступилъ въ управленіе и не началъ дѣйствовать Петръ.

Одновременно австрійцы съ союзниками воюють въ Турціи. Объ этой войнѣ мы уже говорили выше; здѣсь же, сопоставляя ее съ русскими походами на Крымъ, можно объяснить легкость, съ какою австрійцы двигались въ глубь Турціи, именно тѣмъ, что крымскіе татары въ это время должны были защищаться сами противъ русскихъ. А потомъ австрійцы терпятъ пораженія и едва успѣваютъ ретироваться, покинувши все до Бѣлграда и съ нимъ включительно, вслѣдствіе того что въ концѣ мая 1689 г. русскіе уже возвращались изъ крымскаго похода и татары были свободны, чтобы обратиться свои силы противъ австрійцевъ. Указаніе на это находится въ письмѣ іерусалимскаго патріарха Досифея, отъ 18-го марта 1691 г., въ которомъ онъ говоритъ объ этомъ опредѣленно: „Нынѣшній визирь, человекъ достойный, взялъ Нису и Бѣлградъ, а причиною вы; потому что татары были съ нимъ вмѣстѣ; и если бы татары были вами сдержаны, то турки ничего бы не сдѣлали“ (Солов. XIV, 204). Это хорошо понимали и признавали западныя державы и потому, принимая что либо противъ Турціи, всегда искали союза съ Россіей.

Но у Россіи и помимо того было дѣло съ Турціей, такъ какъ крымскіе ханы, постоянно то воевавшіе, то мирившіеся съ русскими, были ей подвластны и служили ей, получая отъ нея поддержку.

До присоединенія южной Россіи къ Московскому царству это было дѣло малороссійскихъ казаковъ, которые дѣлали набѣги на татаръ и сами подвергались набѣгамъ. Послѣ же присоединенія въ походъ отправлялось уже русское войско, доходившее до 100.000, не считая казаковъ. Но путь, по которому направлялось войско, былъ тотъ же и тѣ же военные приемы или способы. Шли черезъ пустынную степь, которую татары зажигали и дѣлали еще пустынище, нападали на первыя попавшіяся имъ поселенія и укрѣпленные городки. Если удавалось занять и разорить ихъ, то идти дальше не хватало средствъ, и войско возвращалось безъ всякихъ результатовъ.

Петръ Великій совершенно измѣняетъ эту тактику. Онъ направляетъ походъ на югъ къ морю, и первымъ пунктомъ на этомъ пути является турецкій укрѣпленный городъ Азовъ на Дону. Первый походъ (1695 г.) былъ неудаченъ, при чемъ Азовъ получалъ постоянныя подкрѣпленія войскомъ и всякими припасами по Дону съ моря,

тогда какъ русскіе сухимъ путемъ могли получить все съ большими затрудненіями. Но этотъ походъ былъ, такъ сказать, пробой. Предпринимая новый походъ въ слѣдующемъ году, Петръ Великій готовится къ нему. Въ Воронежѣ, Козловѣ и другихъ мѣстахъ, близкихъ къ Дону, строится цѣлый флотъ, который и подступаетъ къ Азову, занявши въ то же время и устья Дона, чтобы не допустить къ нему помощи отъ турокъ съ моря. На этотъ разъ онъ овладѣваетъ Азовомъ и основывается на Дону со своимъ флотомъ, на которомъ, какъ мы упоминали выше, не безъ нѣкотораго хвастовства онъ отправилъ посольство въ Константинополь.

Интересно, какъ къ этому отнеслись въ Польшѣ.

Въ то время въ Варшавѣ находился русскій резидентъ Никитинъ, который, получивъ извѣстіе о взятіи Азова, 29-го августа (1696 г.) во время обѣдни велѣлъ священнику отслужить благодарственный молебенъ, и послѣ того сдѣлали по три выстрѣла изъ своихъ пушекъ и ружей, сколько нашлось. На стрѣльбу собралось множество народа, для котораго выкатили нѣсколько бочекъ пива и меду, и народъ, узнавъ о причинѣ торжества, кричалъ царю „вивать!“ 1-го сентября Никитинъ въ торжественномъ собраніи сената и земскихъ пословъ подалъ приставу царскую грамоту съ извѣщеніемъ о взятіи Азова и сказалъ рѣчь. Цесарскій резидентъ, посѣтившій Никитина, говорилъ, что послы не очень рады взятію Азова, никакъ они этого не ожидали; но простому народу очень любо (Солов. XIV, 215—217). Послѣ этого Петръ продолжаетъ постройку флота и въ то же время послалъ молодыхъ людей за границу учиться морскому дѣлу, и наконецъ и самъ отправился въ заграничное путешествіе.

Мы уже говорили, какъ Петръ, находясь въ Голландіи, отправилъ Г. Островскаго, чтобы онъ развѣдалъ о „Шклявонской землѣ“; у него въ то время уже была мысль о христіанахъ Турціи. Вотъ что онъ писалъ патриарху Адриану: „Мы въ городѣ Амстердамѣ... трудимся, что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради приобрѣтенія морскаго пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями, *а христіанъ, тамо будущихъ, свободителями благодатию Его быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не перестану*“ (Солов., XIV, 239).

Мысль о войнѣ съ Турціей для освобожденія христіанъ не покидаетъ его нигдѣ и, находясь въ Голландіи и Англии, онъ и ихъ старается склонить на свою сторону и отказаться отъ посредничества между Австріей и Турціей, склонявшеюся къ заключенію мира, пе-

реговоры о которомъ уже были начаты, и въ Вѣну по этому поводу отправлено было русское посольство. Не вытерпѣвъ онъ и самъ поѣхалъ въ Вѣну. Прибывши раньше посольства, Петръ тотчасъ приступилъ къ дѣлу, вступивъ въ переговоры съ канцлеромъ графомъ Кинскимъ. Указавъ, что для Австріи Россія нарушила миръ съ турками, онъ требуетъ продолженія войны или чтобы на конгрессѣ за нимъ оставлены были всѣ его пріобрѣтенія и сверхъ того уступленъ былъ городъ Керчь, безъ котораго онъ не имѣлъ выхода изъ Азовскаго моря въ Черное. На это ему отвѣтили, что для того лучше всего пусть русскіе поспѣшатъ взять Керчь оружіемъ, обѣщая поддержку его уполномоченнымъ на конгрессѣ и не приступать ни къ чему безъ соглашенія съ царемъ.

Изъ Вѣны Петръ собирается въ Венецію, которая интересовала его, какъ обладательница морей и, въ то же время, какъ держава, долженствовавшая принять участіе въ конгрессѣ.

Но тутъ получено было извѣстіе о бунтѣ стрѣльцовъ, и онъ возвращается въ Россію.

Между тѣмъ конгрессъ состоялся въ Карловцахъ въ октябрѣ 1698 года.

Вотъ требованія, которыя предложены были со стороны Россіи:

1. Уступка Россіи Керчи.
2. Свободная торговля до Крыма, до порубежныхъ городовъ, до Константинополя и *далѣе*.
3. Гробъ Господень противъ древняго обычая остается во владѣніи іерусалимскаго греческія вѣры патріарха.
4. „Церквамъ и монастырямъ, греческую вѣру имѣющимъ, вездѣ во владѣніи его салтанова величества сущимъ, такожь разныхъ народовъ людемъ: *грекамъ, сербамъ, болгарамъ, словакамъ* и инымъ всѣмъ, тоежь вѣры употребляющимъ, *да будетъ великая свобода и вольности, безъ всякаго отягченія и лишнихъ податей, а накладные дани да отымутся отъ нихъ, и впредь къ тому принуждаемы не будутъ*“ (Кочуб. 74).

Союзники Россіи не только не поддержали ея требованій, а напротивъ, убѣждали турецкихъ посланниковъ не принимать ихъ.

Такимъ образомъ союзники, вопреки общему договору, прекратили войну съ Турціей и заключили съ нею выгодный для себя миръ, оставивши Россію и предоставивши ей самой добиваться мира сепаратно.

Объ этомъ конгрессѣ имѣется очень интересное донесеніе Петру

думнаго дьяка Возницына. Изложивши, какъ все происходило на конгрессѣ, онъ дѣлаетъ такой общій выводъ: „они всѣ (союзники) удовольствованы, а тебя (Петра) оставили. А прежде я ихъ въ тотъ армистиціумъ звалъ и совѣтовалъ, чтобъ учинили то нынѣ, а не миръ; которые нѣмцы, словами, а полякъ и письмомъ въ томъ мнѣ отказали. Не дивно, государь, на нѣмецъ, потому что они краткимъ союзомъ обязаны; дивно на поляка, что онъ смѣлъ то учинить, а всего будучи на двухъ съѣздахъ, дѣло свое окончилъ, а на чемъ, то еще паче дивнае: оставя съ тобою, государь, вѣчный союзъ и нарушивъ тѣмъ и вѣчный миръ, помирился ни на чемъ: турки посулили отдать ему Каменецъ пустой. Вводили и обманули его нѣмцы для того, что имъ нуженъ и надобенъ и пожиточенъ миръ; и помирились они безъ всякаго для себѣ отягченія и безъ уступки всего, и заткнули туркамъ горло другими своими союзники. А съ венеты у нѣмецъ я чаялъ крайней дружбы, а чую у нихъ есть тайная антипатія: нѣмцы не хотятъ того слышать, чтобъ венетъ бралъ силу. По правдѣ, государь, нѣмцы знаютъ, какъ свои дѣла вестъ, и сей миръ сильною рукою и въ потребное себѣ время сдѣлали“ (Соловьевъ, XIV, 303—304).

Припомнимъ при этомъ слова Украинцева, въ которыхъ выразилось отношеніе Россіи къ союзникамъ, ради которыхъ она въ 1688 г. отправила посольство къ Людовику XIV, чтобы убѣдить его присоединиться къ союзу, хотя впередъ должно было рассчитывать на неудачу. И это еще больше вооружало Францію противъ Россіи, вслѣдствіе чего она поддерживала Карла XII противъ Петра Великаго, возбуждала поляковъ противъ Россіи и мѣшала всякому соглашенію ея съ Турціей.

А между тѣмъ въ этомъ союзѣ только папа, можетъ быть, искренне желалъ изгнанія турокъ изъ Европы, какъ противниковъ христіанской вѣры и угнетателей христіанскихъ народовъ. Всѣ же другіе преслѣдовали только свои личные интересы, нисколько не думая о христіанахъ и не скорбя о попраніи нехристями христіанства. Австрія, очевидно, стремилась занять доминирующее положеніе въ Европѣ, конкурируя въ этомъ отношеніи съ Франціей, и въ то же время забрать въ свои руки всѣ сосѣднія мелкія государства. Она уже господствовала въ Венгріи, ей подчинялись Польша и Валахія, близка къ тому была и Молдавія, а сербовъ она уже имѣла въ своихъ рукахъ, при этомъ во вновь построенномъ городкѣ Карловцахъ основала патріаршію, чтобы прикрѣпить ихъ еще больше къ Австріи

и въ церковномъ отношеніи, а также оказывать вліяніе и на сербовъ въ Турціи. Нуждаясь въ помощи русскаго царя для диверсіи, она призываетъ его къ союзу, но съ точнымъ опредѣленіемъ границъ, въ которыхъ онъ можетъ дѣйствовать: не выходить изъ предѣловъ, гдѣ онъ можетъ имѣть дѣло съ крымскимъ ханомъ, и отнюдь не приближаться къ Дунаю, область котораго должна всецѣло и нераздѣльно принадлежать Австріи. Для этого ей и нужны придунайскія княжества, которыя она старается вооружить противъ Россіи.

Какъ Австрія относилась къ народамъ, которыхъ избавляла отъ турецкаго ига, лучше всего поняли сербы, испытывая на дѣлѣ суть этого избавленія. Однихъ она поселила вдоль турецкой границы и обратила въ военнопоселенцевъ, а другихъ загнала въ глубь Венгріи, чтобы образовать изъ нихъ тормазъ противъ всякаго свободнаго порыва мадьяръ; а воеводу сербскаго Георгія Бранковича, которому она была обязана успѣхами своего оружія въ Турціи, засадила въ тюрьму и, истомивши тюремнымъ заключеніемъ, отправила въ ссылку, гдѣ онъ окончилъ свою жизнь въ глуши и въ полномъ уединеніи отъ своего народа. Стараго патріарха Арсенія она сначала щадила, но послѣ довела его до нищеты, заставившей его просить вспоможенія у Петра Великаго.

Понимали это и всѣ христіане Балканскаго полуострова и потому обращались къ русскому царю, и никогда—къ австрійскому цесарю. Архимандритъ Исаія, посланный свергнутымъ патріархомъ константинопольскимъ Діонисіемъ къ русскимъ царямъ (Іоанну и Петру), объявилъ, что онъ посланъ отъ всѣхъ грековъ и славянъ умолять великихъ государей воспользоваться удобнымъ временемъ для нападенія на турокъ. *Это необходимо сдѣлать и для того, чтобы не отдать православныхъ изъ бусурманской неволи въ неволю худшую.* Церковь православно-греческую ненавидятъ папезники; которые города въ Венеціи и Мореѣ цесарскія и венеціанскія войска побрали у турокъ, повсюду въ нихъ папезники начали обращать православныя церкви къ уніи, другія превращать въ костелы. Если римлянамъ посчастливится впередъ, достанутъ подъ свою власть православно-христіанскія земли; если возьмутъ самый Царь-градъ, то православные христіане въ большую погибель придутъ и вѣра православная искоренится (Солов., XIV, 53).

Въ томъ же духѣ въ 1691 г. пришло письмо отъ іерусалимскаго патріарха Досіея, въ которомъ онъ жалуется, что турки соглашаются отдать святыя мѣста французамъ, которые уже „отняли у грековъ гробъ

Господень, всю церковь вилеемскую, святую пещеру, разорили всѣ пещеры, раскопали всю трапезу, гдѣ раздаемъ св. свѣтъ, и хуже надѣлали въ Іерусалимѣ, чѣмъ персы и арабы, а какія бѣды старцамъ нашимъ причинили, кто можетъ рассказать“. Поэтому онъ призываетъ русскихъ къ войнѣ съ турками и ради этого хочетъ подѣйствовать на самолюбіе русскихъ: „Татары—пишетъ онъ—горсть людей и хвалятся, что берутъ у васъ дань, а такъ какъ татары подданные турецкіе, то выходитъ, что и вы турецкіе подданные“ (Солов., XIV, 203—205).

А въ 1698 г. господарь Валахіи Бранкованъ, находясь между двухъ огней, между турками и нѣмцами, обращается къ Петру Великому съ просьбою принять его въ подданство и прислать войско въ Бессарабію. „Со слезами молимъ—писалъ онъ—спасти насъ отъ папистовъ и іезуитовъ, которые бѣснуются на православныхъ больше, чѣмъ на турокъ и жидовъ. Война мірская можетъ когда-нибудь кончиться, а война іезуитская никогда“ (тамъ же, 302—303).

Очевидно, что Австрія, стоящая во главѣ священнаго союза, стремится къ уничтоженію турецкаго господства вовсе не для освобожденія находящихся во владѣніяхъ Турціи христіанъ, а для подчиненія ихъ своей власти и первымъ шагомъ къ этому подчиненію является обращеніе ихъ въ католичество, что можетъ быть достигнуто не иначе, какъ путемъ насилія, которому и подвергаются подчинившіеся ей сербы. Франція, изъ вражды къ Австріи не вступающая въ священный союзъ, дѣйствуетъ въ томъ же духѣ, поддерживая Турцію протівъ своихъ антагонистовъ. А такъ какъ на Балканскомъ полуостровѣ всѣ христіане, кромѣ незначительной части албанскаго народа и находящагося во владѣніи Венеціанской республики Адриатическаго побережья, принадлежатъ къ восточной греческой церкви, то взоры ихъ обращены къ Россіи, гдѣ одни имѣютъ своихъ единовѣрцевъ, а другіе, сверхъ того, и единоплеменниковъ. Завоевательные планы Россіи дальше покоренія Крыма не идутъ. Поэтому ей отдаются Молдавія и Валахія, имѣющія уже своихъ господарей, которые готовы признать суверенство русскаго царя, увѣренные, что тѣмъ не отнимется у нихъ свобода во внутреннихъ дѣлахъ.

Весьма важную роль во всѣхъ этихъ отношеніяхъ играетъ Польша. По вѣроисповѣданію принадлежащая Западной церкви, она проникается и западною культурой, вслѣдствіе чего является участницей въ распространеніи христіанства и культуры между язычниками сѣверныхъ предѣловъ средней Европы, прилегающихъ къ Сѣверному морю, ко-

торое съ Карла Великаго велось уже нѣмцами. Она въ этомъ случаѣ выступаетъ, какъ союзница и помощница нѣмцевъ.

Но скоро нѣмцы устремляются распространить свое вліяніе и на Польшу, чему благопріятствовали сами тогдашніе польскіе князья и панство. Чтобы поднять земледѣліе и вообще экономическое положеніе Польши, они слишкомъ широко открыли свои земли нѣмецкой колонизаціи; а города также устраивались на магдебургскомъ правѣ.

Въ XIII в. въ западныхъ польскихъ краяхъ нѣмцы сдѣлались полными господами, и девизомъ ихъ было *exterminare linguam polonicam*. Польская народность находилась на краю гибели.

Но тутъ началась реакція подѣ вліяніемъ національнаго высшаго и низшаго духовенства и литературы. Въ 1410 г. поляки не одни, а въ соединеніи съ другими славянами, чехами и русскими, въ битвѣ при Грюнвальдѣ одерживаютъ побѣду надъ Тевтонскимъ орденомъ и полагаютъ предѣлъ его дальнѣйшимъ завоеваніямъ.

Впрочемъ, побѣда эта имѣла не столько политическое значеніе, сколько значеніе въ смыслѣ поднятія національнаго духа. А когда въ Западной Европѣ началось движеніе противъ злоупотребленій церкви, у чеховъ вспыхнуло гуситство. Польша, не принимая непосредственнаго участія въ этомъ движеніи, служила убожищемъ для проповѣдниковъ свободы мысли и гуманизма, и тогда у нея начинается золотой вѣкъ ея литературы. Это отразилось и на внѣшней политикѣ Польши. Король Владиславъ IV предпринимаетъ походъ для освобожденія своихъ братьевъ славянъ отъ турецкаго ига. Походъ былъ неудаченъ и завершился смертью его виновника; но слава объ немъ разнеслась между юго-славянами, и потомъ дубровчанинъ Гундуличъ слагаетъ прославляющую это событіе поэму. Въ то же время Польша беретъ перевѣсъ надъ Тевтонскимъ орденомъ, превратившимся тогда въ свѣтское государство, завоевываетъ Курляндію и Лифляндію.

Но самое важное событіе въ исторіи Польши этого времени составляетъ окончательное соединеніе съ нею Литвы по Люблинской уніи (1569 г.). Съ этого времени начавшееся ранѣе движеніе Польши на востокъ и юго-востокъ дѣлается въ ней преобладающимъ, и она занимаетъ всю южную Кіевскую Русь, а Червонную Русь захватили еще раньше при Казимірѣ Великомъ (1340 г.). Въ началѣ это господство поляковъ не оказывало никакого давленія на народъ ни въ политическомъ, ни въ религіозномъ смыслѣ. Что касается послѣдняго, то въ самой Польшѣ тогда господствовала толеранція.

Въ Червонной Руси, гдѣ поляки укоренились уже въ половинѣ XIV столѣтія, при Казимірѣ Великомъ, въ Подоліи и Волыни въ значительной степени происходила колонизація края; и здѣсь поляки вносили нѣкоторую культурность, казацкой организаціи придавалось больше стройности и съ большимъ успѣхомъ велась борьба съ татарами. Но въ концѣ XVI столѣтія измѣнились отношенія и въ самой Польшѣ. Въ 1580 г. Стефанъ Баторій пустилъ въ Польшу іезуитовъ, и тотчасъ началась католическая реакція, выразившаяся изгнаніемъ всѣхъ протестантовъ и затѣмъ преслѣдованіемъ всѣхъ иновѣрцевъ. Самымъ тяжелымъ образомъ это отразилось на Малороссіи. Тогда поляки дѣлаются орудіемъ іезуитовъ и, руководимые ими, принялись проводить унію, при чемъ не стѣснялись никакими, самыми непопозволенными средствами, какъ отдавать православныя церкви въ откупъ отбросамъ еврейскаго народа, которые довели до крайнихъ размѣровъ экономическую эксплоатацію народа.

Но чаша страданій переполнилась, и выведенный изъ терпѣнія народъ вскипѣлъ гнѣвомъ и местию своимъ безсердечнымъ угнѣсителямъ. Появились гайдамаки, которые въ своей мести также не знали мѣры, и затѣмъ произошло повсемѣстное возстаніе подъ предводительствомъ Богдана Хмѣльницкаго, которое было поддержано Московскимъ государствомъ, и тѣмъ окончилось господство поляковъ въ Южной Россіи.

Въ значительной степени этому помогла слабость Польши. Одно время Польша находилась на краю гибели, когда одновременно съ Россіей напали Швеція и Пруссія, и тогда была уже мысль о ея раздѣлѣ. Спасли её только несогласія, возникшія среди ея противниковъ. Но подняться до прежняго состоянія она уже не могла и съ этого времени неудержимо клонится къ паденію.

Главною причиною ея безсилія были внутренніе порядки. Еще при Казимірѣ Ягеллонскомъ (1447—1492) панское или „можновладское“ правленіе перешло въ шляхетское, и это на первое время дало толчокъ болѣе энергичному и широкому развитію народныхъ силъ. Но со временемъ шляхта стала злоупотреблять своимъ *liberum veto*, по которому одинъ голосъ могъ остановить рѣшеніе цѣлаго сейма. И началась шляхетская вакханалія, при чемъ шляхта дѣлается орудіемъ тѣхъ же пановъ „можновладцевъ“, и въ угоду интересамъ, личнымъ цѣлямъ и даже капризамъ своихъ пановъ, за плату и содержаніе, срываетъ сеймы, не считаясь съ цѣлями и значеніемъ ихъ рѣшеній для отечества. Въ періодъ съ 1652-го до 1764 г. изъ 55 сеймовъ сорвано было 48, и 18 изъ нихъ—однимъ голосомъ. Польша

этого времени представляла странное явленіе: королевство и въ то же время республика (*rzecz pospolita*); король выбирается шляхтой и потому является ея слугой, административная и законодательная власть принадлежит сенату, также состоящему изъ шляхты, и король только его предсѣдатель, не имѣющій никакого значенія. И рѣшенія сената опять нуждаются въ санкціи сейма; ему же принадлежитъ право объявленія войны и избранія короля.

И внѣшняя политика Польши становится не національною и не государственною, а шляхетскою, преслѣдующею прежде всего цѣли и интересы сословія, а часто и отдѣльныхъ лицъ, мало заботящеюся объ общемъ дѣлѣ.

Такое состояніе Польши открываетъ широкое поле внѣшнимъ вліяніямъ и интригамъ, особенно при выборѣ короля.

Уже Стефанъ Баторій, одинъ изъ лучшихъ королей (1575—1586) былъ ставленникомъ Турціи. А позже стали вмѣшиваться всѣ, начиная съ болѣе отдаленной Франціи и до ближайшей сосѣдки Австріи. Вмѣшивается, наконецъ, и Петръ Великій.

Въ 1696 г. умеръ Янъ Собѣсскій, и нужно было избрать новаго короля. Претендентами явились: сынъ покойнаго Яковъ Собѣсскій, пфальцграфъ Карлъ, герцогъ лотарингскій Леопольдъ, маркграфъ Баденскій Людовикъ, внукъ папы Одескальки, французскій принцъ Конти, курфюрстъ саксонскій Фридрихъ Августъ и нѣсколько Пястовъ, т. е. польскихъ вельможъ, ведущихъ свое родословіе отъ Пяста. Самыми видными были Конти и Августъ. Если бы былъ избранъ первый, то естественно, Польша, подчиняясь политикѣ Людовика XIV, выступила бы изъ священнаго союза и вступила бы въ союзъ съ Франціей, которая держала сторону Турціи противъ священнаго союза. Французскій посланникъ заявилъ уже, что султанъ обѣщался заключить съ Польшею отдѣльный миръ и возвратитъ ей Каменецъ, если поляки выберутъ французскаго принца. Петръ Великій, только что отправившійся въ заграничное путешествіе, находился въ это время въ Пруссіи. Его интересовалъ выборъ польскаго короля, потому что на заключеніе мира съ Турціей не могло быть никакой надежды, а угрожала война. Поэтому онъ задержался въ Пруссіи и изъ Кёнигсберга послалъ полякамъ грамоту, въ которой объяснялъ, что если они выберутъ француза, то будетъ и политика французская, которая поддерживаетъ султана во вредъ христіанамъ. И поэтому онъ рѣшительно заявляетъ, что такого короля въ Польшѣ не желаетъ, и пусть поляки выберутъ, кого хотятъ, только не француза.

17-го іюня совершились выборы двойные: одна партія выбрала Конти, другая Августа, и обѣ другъ съ другомъ рубились саблями. Но партія саксонская стала брать верхъ, опираясь на грамоту русскаго царя. А когда Петръ въ подтвержденіе прислалъ и вторую грамоту въ томъ же духѣ, то саксонская партія окончательно взяла перевѣсъ, и избранъ былъ Августъ.

Въ поздравительномъ письмѣ Августу Петръ поручаетъ ему объявить панамъ, что для защиты Рѣчи Посполитой отъ Конти и его партіи придвинуто къ литовской границѣ русское войско подъ начальствомъ князя Ромодановскаго. На эту поздравительную грамоту Августъ объявилъ русскому резиденту Никитину, что онъ „даетъ честное слово быть съ царемъ заодно противъ враговъ Креста святого и изьявленный ему Петромъ аффектъ никогда не изгладится изъ его памяти“ (т. XIV, 230—31). Потомъ онъ и датскій король въ договорѣ съ Петромъ вступили въ войну противъ Карла XII, который, однако, потрепалъ союзниковъ и заставилъ ихъ задуматься.

Боясь, чтобы Августъ не заключилъ мира со шведами, Петръ рѣшился скрѣпить свой союзъ съ нимъ и попытаться принудить Польшу къ дѣйствию противъ Карла, такъ какъ до того времени Августъ воевалъ только съ саксонскими войсками. Для этого Петръ считалъ необходимымъ личное свиданіе съ Августомъ и личные переговоры съ польскими панами. Съ этою цѣлію избрано было мѣстечко Биржа въ Динабургскомъ уѣздѣ. Свиданіе это состоялось въ февралѣ 1701 г., и начались переговоры. Со стороны пановъ польскихъ въ переговорахъ участвовалъ подканцлеръ литовскій Щука, а при Петрѣ находился Головинъ. Щука послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ заявилъ требованіе, чтобы Польшѣ уступлена была хотя бы половина того, что отъ нея отошло по послѣднему договору (1685 г.),—напримѣръ, Кіевъ съ округомъ. Такая уступка, конечно, была невысказана, и самимъ полякамъ не удержать было тотъ край въ своихъ рукахъ. Головинъ, продолжая эти переговоры, отвѣтилъ, что уступка Кіева невозможна безъ согласія думы и казацкаго гетмана, что она можетъ произвести внутреннія волненія въ Россіи. Тогда Щука предложилъ возвращеніе нѣкоторыхъ городковъ и сель, на что Головинъ опять отвѣтилъ: „Ничего этого нельзя уступить безъ совѣта съ гетманомъ, потому что царское величество ничего силою отъ Украйны не отниметъ“ (стр. 330).

И это было только отговоркой. Воротившись изъ Биржъ, Головинъ тотчасъ сообщаетъ объ этомъ разговорѣ со Щукой Мазепѣ и требуетъ, чтобы онъ высказалъ свое мнѣніе. Мазепа, указавши въ своемъ

отвѣтъ, что можно уступить и чего нельзя, заключилъ такъ: „отъ поляковъ добраго дѣла не чаите: договора вѣчнаго мира они до сихъ поръ не подтвердили и въ конституцію не напечатали, говорятъ, что миръ заключенъ королемъ, а не Рѣчью Посполитою; многія церкви Божіи обратили на унію; въ прошломъ году начальную русскую соборную львовскую церковь у благочестивыхъ отняли и отдали уніатамъ. Король вызвалъ царскія рати подъ Нарву, выдалъ ихъ шведамъ, а самъ отъ Риги отступилъ. Съ поляками надо поступать осторожно; вроникари пишутъ: какъ свать сватомъ, полякъ русскому не будетъ братомъ, и донинѣ то все исполняется отъ нихъ самымъ явнымъ образомъ“ (стр. 343—44).

Петръ предлагалъ полякамъ Лифляндію и Эстляндію и ради этого впередъ отказывался отъ всякихъ претензій на эти земли.

Ближайшія причины, побудившія Петра воевать съ Карломъ XII, были характера случайнаго; это собственно не были причины дѣйствительныя, а скорѣе поводы и придирки. Въ основѣ же лежало стремленіе подойти къ Балтійскому морю. Но онъ въ этомъ случаѣ ограничивался Кареліей и Ингріей, которыя прилегали къ Бѣломорскому краю, находившемуся уже въ его рукахъ.

Цѣня море самъ, Петръ предлагалъ и полякамъ Лифляндію и Эстляндію съ той цѣлью, чтобы придвинуть и ихъ къ морю, которое отняли у нихъ нѣмцы. На мѣсто нѣмцевъ, непріятелей славянства, онъ хотѣлъ имѣть своими сосѣдями славянъ-поляковъ. Но польскіе правящіе круги этого не оцѣнили и не поняли. И Петръ опять заключилъ договоръ только съ королемъ Августомъ; а поляки предаются Карлу XII, который, вмѣсто Августа, ставитъ имъ королемъ Станислава Лещинскаго (1704 г.); наслѣдникъ же послѣдняго Станиславъ Понятовскій находится въ Константинополѣ, гдѣ вмѣстѣ съ французскимъ посланникомъ въ пользу Карла XII и противъ Россіи старается побудить Турцію на войну съ Россіей.

Но Польшу и Россію одинаково связывалъ священный союзъ.

Какъ союзъ этотъ отнесся къ своему члену, русскому царю, на конгрессѣ въ Карловцахъ—мы уже знаемъ. Очень мало выиграла и Польша. Вполнѣ использовала союзъ Австрія для себя и для того, чтобы держать въ рукахъ своихъ сосѣдей и подчинить ихъ своему вліянію.

Надобно замѣтить, что Янъ Собѣсскій рѣшился вступить въ союзъ съ императоромъ Леопольдомъ, въ виду похода турокъ на Вѣну, только изъ страха, что побѣда турокъ надъ Австріей приведетъ къ

гибели и Польшу. Когда Людовикъ XIV уговаривалъ Яна отстать отъ этого союза, онъ отвѣтилъ, что останется спокойнымъ зрителемъ торжества турокъ надъ Австріей только въ такомъ случаѣ, если французскій король обяжется явиться на помощь Польшѣ со всѣми своими силами, когда турки, по взятіи Вѣны, пойдутъ на Краковъ. Людовикъ не далъ этого обязательства, и Собѣсскій остался при своемъ намѣреніи помочь Австріи.

Но въ томъ же 1683 г., во время сейма, явилось много сочиненій, въ которыхъ толковалось противъ войны съ турками за Австрію. „Никогда не хотѣли мы брать себѣ королей изъ австрійскаго дома, а теперь хотимъ помогать для того, чтобы удержать подъ ихъ игомъ братью нашу въ Венгріи, Моравіи, въ Чехахъ, въ Кроаціи! Правда, турки распространяютъ свои владѣнія съ Дуная; но что намъ до этого за дѣло? Когда два года тому назадъ императоръ могъ бояться, что Висла отойдетъ подъ власть турокъ, пришелъ онъ къ намъ на помощь? Турки вовсе не враги наши непримиримые: южныя страны представляютъ имъ болѣе лакомую добычу, чѣмъ наша Польша; наши вѣчные враги—Бранденбургъ и Австрія. Вотъ почему отцы наши всегда старались о дружбѣ съ Франціей, которая помочь намъ всегда можетъ, а покорить никогда“ (XIV, 11—12).

Интересно, что въ числѣ враговъ не значится Россія, которая въ то время дѣйствительно только обороняла и старалась освободить отъ поляковъ русскія земли, населенныя русскимъ православнымъ народомъ, не касаясь польскихъ. Но указанные враги Польши были въ то же время врагами и Россіи, вслѣдствіе чего та и другая должны бы находиться въ дружбѣ и союзѣ. Этому мѣшало, однако, внутреннее состояніе Польши: вѣчное броженіе и ничего постояннаго, прочнаго. Находясь въ Жолквѣ въ 1707 г., въ январѣ, Петръ писалъ Апраксину: „здѣсь еще всѣ дѣла какъ брага, и не знаешь еще, что будетъ постоянно“. Это непостоянство поляковъ не внушаетъ ему никакого довѣрія, и потому онъ обратился искать себѣ союзника въ другую сторону, въ Венгрію, гдѣ видѣлъ больше устойчивости, какъ въ ихъ внутреннемъ устройствѣ, такъ и въ характерѣ народа.

Венгрія въ то время бунтовалась противъ Австріи, которая, несмотря на то, что эта страна присоединилась къ ней добровольно, съ вполне развитымъ государственнымъ строемъ, поступала съ нею, какъ съ страной завоеванной, не уважая правъ и привилегій, обезпеченныхъ трактатомъ, и преслѣдуя протестантовъ.

При этомъ іезуиты и здѣсь, какъ въ Польшѣ, играли свою роль,

явившись гонителями иновѣрцевъ, какими тогда были венгерцы въ Австрійской имперіи. Возстаніе началось въ Трансильваніи, и во главѣ его сталъ венгерскій магнатъ Текели. Возстаніе это было притихло, какъ вспыхнуло опять съ появленіемъ новаго вождя Ракоци, который былъ орудіемъ политики Франціи, вступившей тогда въ войну съ Австріей за испанское наслѣдство.

На немъ и остановилъ свое вниманіе Петръ Великій.

Въ маѣ 1707 г. онъ собираетъ сеймъ въ Люблинѣ, и здѣсь рѣшено избраніе Ракоци въ польскіе короли¹⁾. Агентъ Ракоци Витешь доноситъ курфюрсту Баварскому: „Царь и сенаторы предложили Ракоци польскую корону, и царь съ угрозой, что въ случаѣ отказа онъ вступить въ союзъ съ императоромъ противъ него“.

Положеніе Ракоци было нелегкое: онъ зависитъ отъ Франціи, которая поддерживаетъ Швецію, находящуюся въ войнѣ съ Россіей. Но Петръ продолжаетъ настаивать съ тою же угрозой. Ракоци послѣ нѣкоторыхъ колебаній и соображеній соглашается и 26-го августа 1707 г. въ инструкціи своему послу въ Берлинѣ по этому вопросу высказывается такъ: „Я и соединенное венгерское королевство не нашли союза болѣе прочнаго и полезнаго, какъ союзъ съ царемъ и Рѣчью Посполитой; императоръ хвастался союзомъ съ Петромъ, чтобъ меня утратить; но этотъ государь предупредилъ и онъ искалъ дружбы со мной, предлагая корону польскую, и равнымъ образомъ я рѣшился связать себя съ нимъ и съ Рѣчью“.

Въ августѣ Ракоци отправилъ посольство къ Петру въ Варшаву, гдѣ и былъ заключенъ договоръ 4-го сентября 1707 г., а 10-го декабря ратификованъ въ Москвѣ.

Изъ этого, однако, ничего не вышло. Петръ тогда спѣшно собиравался въ прутскій походъ и не могъ оказать поддержки Ракоци, который вслѣдствіе этого долженъ былъ бѣжать изъ Венгріи и спастись во Францію. Кочубинскій по этому поводу дѣлаетъ такое заключеніе: „И царь, и Ракоци умираютъ почти одновременно: 1725 и 1726 г., союзникъ-бунтовщикъ не переставалъ думать воспользоваться милостью царя и помочь царю: ему принадлежитъ мысль о лигѣ между Франціей, Испаніей и Россіей, которую онъ горячо лелѣялъ въ послѣдніе годы“ (стр. 104).

По этому ясно видно, что Петръ Великій предусматривалъ роко-

---

¹⁾ Все это мы беремъ изъ выше цитированнаго соч. Кочубинскаго: „Мы и Они“, въ которомъ находится подробное изложеніе этого дѣла на стр. 99—112, 123—126.

вое значеніе Австріи для славянства, изъ котораго не выдѣлялъ Россіи. Поэтому въ противовѣсъ ей онъ задумалъ соединить въ одно государство Венгрію, которая уже испытывала на себѣ тяжесть австрійскаго господства и порывалась освободиться отъ него, и Польшу, которой то же самое угрожало, но которая, по своей внутренней организаціи или, вѣрнѣе, дезорганизаціи, одна была неспособна противостоятъ тому, а лучшаго союзника, какъ Венгрія, ей не было. При этомъ, какъ мы замѣтили выше, въ венгерцахъ Петръ усматривалъ больше устойчивости, которая подъ ихъ вліяніемъ сообщилась бы и полякамъ.

Планъ этотъ имѣлъ шансы на успѣхъ еще и потому, что въ то время уже начинался антагонизмъ между Пруссіей и Австріей, а Франція уже находилась съ нею на военной ногѣ. Польши онъ не боится не потому только, что она въ то время была въ состояніи разложенія. Напротивъ, онъ стремился къ тому, чтобы и въ нее вдохнуть новую жизнь и дать ей больше прочности. Не имѣя претензій на края, населенные польскимъ народомъ, въ краяхъ, населенныхъ русскими и находившихся подъ господствомъ Польши, какъ Бѣлоруссія и Червонная Русь, онъ бралъ подъ свою крѣпкую защиту ихъ народность и православную вѣру. Да и у поляковъ въ то время началась уже реакція противъ іезуитскаго духа нетерпимости.

Интересно, что Петръ Великій въ польскихъ краяхъ держится свободно, какъ между своими людьми, вмѣшивается въ ихъ дѣла, совѣтуетъ имъ и спорить, и они, съ своей стороны, очевидно, признаютъ въ немъ своего человѣка.

Цѣль войны со шведами составляло пріобрѣтеніе части Балтійскаго моря, что для Петра пріобрѣло особенное значеніе послѣ неудачнаго прутскаго похода, вслѣдствіе котораго ему угрожало потерять Азовъ и съ нимъ доступъ къ Черному морю. Но какъ скоро эта цѣль была достигнута, Петръ готовъ былъ заключить миръ. Карлъ XII также былъ склоненъ къ тому, утомленный войной и тревожившійся за внутреннее спокойствіе Швеціи. Въ 1718 г. миръ былъ заключенъ на одномъ изъ Аландскихъ острововъ; но Карлъ былъ убитъ, и шведская аристократія на это заключеніе мира посмотрѣла, какъ на актъ измѣны отечеству; главнаго виновника того, министра Герца, казнили, и рѣшено было продолжать войну. Тогда русскій флотъ подъ начальствомъ Апраксина переплылъ Ботнической заливъ, высадился на восточномъ берегу Швеціи и опустошилъ его почти вплоть до Стокгольма, угрожая ему. Тогда только заключенъ былъ миръ въ Ништатѣ

30-го августа 1721 г., по которому, кромѣ занятыхъ уже Карелии, Ингрии, Эстляндіи и Лифляндіи, Россія приобрѣла часть Финляндіи съ Выборгомъ.

Эстляндію и Лифляндію, какъ мы видѣли, Петръ уступилъ Польшѣ и, занявши ихъ послѣ ея отказа, отыскивалъ въ нихъ древнія славянскія владѣнія.

V.

Внѣшняя политика Россіи послѣ Петра Великаго до настоящаго времени.

Петръ Великій не оставилъ никакого политическаго завѣщанія, ни плановъ, которыхъ онъ держался въ своей дѣятельности; передъ нами только его дѣла, въ которыхъ онъ влагалъ свою мысль и душу. По нимъ только мы и можемъ догадываться, чего онъ хотѣлъ и добивался для Россіи въ смыслѣ выполненія ея политическихъ задачъ.

Учасъ географіи, онъ съ увлеченіемъ читалъ или слушалъ рассказы о моряхъ и морскихъ путешествіяхъ, о безграничномъ просторѣ океановъ, какого не находится на сушѣ, о быстромъ плаваньи по нимъ на крыльяхъ парусовъ, съ громадными грузами, что также недостижимо было на тогдашнихъ сухопутныхъ дорогахъ. И у него является мысль, какъ счастливы должны быть тѣ народы, которые обладаютъ морями. Съ Плещеева озера онъ отправляется на настоящее Бѣлое море, гдѣ встрѣчается съ моряками другихъ странъ, такъ легко развѣзжающими на своихъ парусныхъ экипажахъ, и это окончательно привязываетъ его къ морю. При томъ моремъ обогащаются страны; ему обязаны своими богатствами маленькая Голландія, островная Англія, Испанія, Италія и другія. Безъ выхода къ морю великая страна, особенно обширная, какъ Россія, находится какъ бы взаперти и обречена на застою и неподвижность. Чтобы вывести Россію изъ этого положенія, нужно ее придвинуть къ морю, открыть ей выходъ туда, куда стремятся всѣ образованные народы, и Петръ всю жизнь свою работаетъ надъ этой задачей. При этомъ онъ прежде всего останавливается на Черномъ морѣ, которое и было когда-то русское море и имѣетъ для него значеніе еще въ томъ отношеніи, что черезъ него можно пройти въ Средиземное море и войти въ сношеніе съ прилегающими къ нему странами, издавна прославившимися своею образованностью и богатствомъ, куда стремятся народы и изъ другихъ странъ. Онъ имѣетъ въ виду торговыя сношенія, которыя когда-то существовали между южными странами и Россіей.

Въ требованіяхъ его, предъявленныхъ на конгрессѣ въ Карловацахъ, въ ст. 2, значится прямо свободная торговля до Константинополя и *далме*, и это „далѣе“—что можетъ означать другое, какъ не проходить черезъ Босфоръ и Дарданеллы въ Архипелагъ и Средиземное море?

Но руководить имъ при этомъ и другая идея: „пріобрѣтеніе морского пути“ для освобожденія христіанъ отъ „враговъ имени Іисуса“, какъ онъ писалъ изъ Амстердама патриарху Адріану, добавляя въ заключеніе: „чего до послѣдняго издыханія желать не перестану“. Съ этою цѣлью онъ предпринимаетъ Прутскій походъ, предварительно установивши связь съ сербами и отыскавши точку опоры въ Черногоріи, не оставивши безъ вниманія и „Шклявонію“, съ которою старался также войти въ связь. Выполнить всего этого онъ, конечно, не могъ. Взялъ онъ Азовъ, построилъ флотъ, который сходилъ въ Константинополь; на Прутѣ онъ получилъ жестокой урокъ, показавшій ему, что нельзя вполнѣ полагаться на союзниковъ, а затѣмъ его поглощаетъ война съ Карломъ XII. Для выполненія такихъ задачъ, конечно, мало жизни одного человѣка; но онѣ опредѣленно указаны Петромъ Великимъ. Прежде всего Россія должна овладѣть Крымомъ и Чернымъ моремъ и создать на немъ флотъ, который бы могъ плавать и дѣйствовать и въ другихъ моряхъ рядомъ съ флотами другихъ народовъ. А послѣ того—война съ Турціей для освобожденія христіанъ.

Эта задача была такъ ясна и вытекала изъ цѣлой предшествовавшей исторіи Россіи, и потому она его преемниками легко усвоена и приводится въ исполненіе. Россія овладѣваетъ Крымомъ, создаетъ на Черномъ морѣ флотъ и ведетъ войны съ Турціей, при чемъ флотъ оказываетъ услугу и покрываетъ себя славой. И разгуливаютъ русскіе корабли по теплымъ, лазурнымъ волнамъ южнаго моря, встрѣчая братскій привѣтъ и дружелюбіе со стороны флотовъ другихъ европейскихъ державъ, которыя видятъ въ немъ грозу ихъ общему врагу, врагу всего христіанства. Наконецъ, русскій флотъ появляется въ Адриатикѣ въ другой роли, въ роли защитника правъ, поправленныхъ не врагомъ христіанства, а врагомъ свободы всей Европы, которую онъ хочетъ подчинить своей волѣ. Русскій флотъ занимаетъ заливъ Адриатики, прекрасную Бокку-Которскую и тутъ встрѣчаетъ своихъ братьевъ славянъ, тѣхъ самыхъ „шклявоновъ“, которыми такъ интересовался Петръ Великій. Сюда же явилась и Черногорія, съ которою онъ заключилъ союзъ, единственный союзъ со славянской страной, сохранный Россіей до того времени, когда предстояла возможность

использовать его съ политическою цѣлью. Тогда въ Россіи зародился планъ образовать независимое юго-славянское государство, во главѣ котораго должна была стать Черногорія съ Боккой-Которскою, а къ нимъ присоединить сначала Герцеговину, а потомъ и Боснію. Это государство было бы православное по вѣроисповѣданію; а рядомъ могло возникнуть и католическое изъ Далмаціи, Дубровника и сѣвернаго приморья Адриатики. Занятіе русскимъ флотомъ Бокки было какъ бы первымъ шагомъ къ выполненію этого плана, который, замѣтимъ, направленъ былъ насколько противъ Турціи, настолько и противъ Австріи. И въ планахъ Наполеона этотъ край выдѣлялся въ особую группу иллирическихъ провинцій.

Считаемъ при этомъ нужнымъ дать нѣкоторое объясненіе тому, что тогда происходило въ тѣхъ краяхъ. Далмація и Бокка-Которская съ давнихъ временъ находились подъ властью Венеціанской республики. Наполеонъ, уничтоживши эту республику, сдѣлался владѣтелемъ и упомянутыхъ ея провинцій, но предоставилъ занять ихъ Австріи, чтобы отвлечь ее отъ Ломбардіи. А потомъ потребовалъ ихъ назадъ и, безсильная оказать сопротивленіе, Австрія Далмацію уступила; а Бокку, какъ будто уступая силѣ, передала русскимъ, и русскій флотъ занялъ ее, чтобы не дать занять французамъ. Открываются военныя дѣйствія между русскими и французами подъ Дубровникомъ и т. д. Но въ 1807 г. между императоромъ Александромъ I и Наполеономъ въ Тильзитѣ заключается договоръ, отдающій французамъ Далмацію, Дубровникъ и Бокку, изъ которой русскій флотъ долженъ былъ удалиться. Удалился также и черногорскій владыка Петръ съ черногорцами, участвовавшій во всѣхъ дѣлахъ русскихъ съ французами и управлявшій Боккой. А въ 1813 г. потребовалось прогнать оттуда французовъ, и это исполнили тамошніе жители Бокки при помощи черногорцевъ, и черногорскій владыка— снова правитель Бокки.

Но когда окончательно сокрушили Наполеона, и собралась вся Европа въ Вѣнѣ на конгрессъ, и стали дѣлить наслѣдство Наполеона, весь восточный берегъ Адриатики отданъ былъ Австріи. Заброшенъ планъ образованія славянскаго государства, а главное—забыто указаніе Петра Великаго, что Австрія—опаснѣйшій врагъ славянства и Россіи, и мы уступаемъ самое существенное въ нашей внѣшней политикѣ—нашу роль на Балканскомъ полуостровѣ.

И это совершается въ тотъ моментъ, когда идея Петра Великаго занять твердое положеніе на западной части Балканскаго полуострова была такъ близка къ ея осуществленію, и участникомъ являлся флотъ,

любимое дѣтище Петра Великаго, которому онъ и предназначалъ главную роль въ послѣдующей исторіи Россіи. Приказъ флоту оставить Бокку былъ для него громовымъ ударомъ. Его начальники Синявинъ, Санковскій и другіе медлили привести приказъ въ исполненіе, считая такое распоряженіе роковой ошибкой или недоразумѣніемъ, но потомъ покорились съ возмущеннымъ сердцемъ.

Дождался своей участи и флотъ. И онъ былъ заброшенъ, когда у правительства установился взглядъ, что Россія—не морская держава, и потому не стоитъ много заботиться о флотѣ. Вслѣдствіе такого взгляда, когда европейцы явились къ намъ подъ Севастополь съ флотомъ, закованнымъ въ желѣзо, наши моряки на своихъ деревянныхъ корытахъ сдѣлали послѣднее усиліе; разгромили турецкій флотъ подъ Синопомъ; потомъ вошли въ Севастопольскій портъ, прочитали своимъ кораблямъ отходную и опустили ихъ на дно; а сами адмиралы пошли искать смерти и нашли ее на стѣнахъ Севастополя.

Впослѣдствіи взглядъ этотъ измѣнился, и созданъ новый флотъ, такой же, какъ у всѣхъ европейскихъ державъ; но ему нѣтъ выхода изъ Чернаго моря, и мы, какъ во время Петра, заявляемъ только требованіе пройти до Константинополя *и дальше* ¹⁾.

Что касается славянской политики Петра Великаго, то она похоронена тотчасъ по его смерти.

Вдвинутая Петромъ Великимъ въ систему европейскихъ державъ, Россія охотно принимаетъ участіе въ ихъ дѣлахъ, для Россіи не имѣющихъ никакого значенія и интереса, какъ войны между Австріей и Пруссіей изъ-за Силезіи. Почти три четверти столѣтія Россіей управляли женщины, которыя большею частью во внѣшней политикѣ руководились личными симпатіями, своими собственными или своихъ приближенныхъ. Не свободна была отъ этого даже Екатерина II, стоявшая по уму и образованію несравненно выше окружавшей среды и каждаго изъ своихъ довѣренныхъ лицъ въ отдѣльности. По рожденію нерусская, она обрусѣла, и въ этомъ отношеніи поддавалась даже нѣкоторымъ слабостямъ русской жизни, въ то же время отказываясь отъ того, что было ей привито жизнью и образованіемъ, когда она еще не была въ Россіи. Но въ душѣ она оставалась нерусскою, славянское же чувство, конечно, было ей совершенно чуждо. Поэтому она такъ легко соглашается на предложенный нѣмцами раздѣлъ Польши,

---

¹⁾ Мы разумѣемъ, конечно, флотъ военный, какъ одно изъ орудій, которымъ пользуются для достиженія политическихъ цѣлей.

не думая, что тѣмъ усиливаются нѣмцы на счетъ славянства, что не можетъ не отозваться и на Россіи.

Въ то время Польша не только не была уже опасна для Россіи, а, напротивъ, была Россіи нужна, вслѣдствіе чего Петръ Великій такъ былъ занятъ ея дѣлами и вмѣшивался въ нихъ съ участіемъ, какъ въ свое собственное дѣло. Его ставленникъ оказывается на польскомъ королевскомъ престолѣ, и съ нимъ онъ начинаетъ войну со шведами. А утвердившись на морѣ, онъ ищетъ мира и со шведами въ договорѣ на Аландскихъ островахъ обѣщается помогать имъ въ возвращеніи Помераніи, въ войнѣ съ Даніей и Ганноверомъ и въ возведеніи на польскій престолъ Ст. Лещинскаго.

Афера съ Ракоци всего яснѣе указываетъ, какъ смотрѣлъ Петръ на Польшу и къ какой борьбѣ готовился въ союзѣ съ нею и Венгріей.

Во время же Екатерины Польша не была опасна ни Австріи, ни Германіи; но нѣмцамъ, подчинившимъ себѣ всѣхъ западныхъ славянъ, нужно было довести это дѣло до конца, уничтожить и это послѣднее славянское государство на Западѣ.

Но безъ Россіи они не могли и не смѣли этого сдѣлать и потому постарались и Россію привлечь къ этому братоубійственному дѣлу. И ни у Екатерины, ни у ея приближенныхъ не было чутья и политическаго смысла, который указалъ бы имъ, что это они дѣлаютъ на пользу своимъ врагамъ и во вредъ Россіи. Государство польское погибло; но остался народъ, вѣчно волнующійся и проклинающій не нѣмцевъ, инициаторовъ раздѣла, а братскую Россію, потому что безъ нея это не могло состояться.

При дѣлежѣ нѣмцы были великодушны по отношенію къ Россіи и уступили ей большую часть, взявши себѣ только по половинѣ ¹⁾. Въ Германіи поляки исчезаютъ, ассимилируясь съ нѣмцами; а у другихъ отнимаютъ землю и тѣмъ принуждаютъ къ выселенію, для чего существуетъ особое учрежденіе *какатистовъ*. И теперь поляковъ въ Америкѣ считается до полутора милліона. Австрія сдѣлала изъ нихъ орудіе своей политики, и какая жестокая игра судьбы: Петръ Великій хотѣлъ изъ союза Польши съ Венгріей создать оплотъ противъ Австріи; теперь же, служа ей, поляки въ Галиціи душатъ русскихъ, а мадьяры въ Венгріи уничтожаютъ словаковъ и въ Буковинѣ—русскихъ же и въ то же время представляютъ оплотъ Австріи противъ Россіи. Гали-

¹⁾ Въ настоящее время считается поляковъ въ Россіи 8.400.000; въ Австріи 4.259.000 и въ Германіи 3.250.000.

ція служить Австріи базой на случай войны съ Россіей. При Екатеринѣ же уничтожено и малороссійское казачество, при чемъ часть населенія обращена въ помѣщичьихъ крестьянъ. Тогда множество ихъ выселилось, двинувшись на востокъ въ губерніи Харьковскую, Воронежскую и въ Донскую Область, а потомъ и въ губерніи Саратовскую, Астраханскую, Ставропольскую и Самарскую, не говоримъ уже о смежныхъ губерніяхъ—Херсонской, Екатеринославской и др. Замѣтимъ при этомъ, что, покидая родину отъ закрѣпощенія за помѣщиками, они на новыхъ мѣстахъ добровольно приписывались къ тамошнимъ помѣщичьимъ крестьянамъ. Это показываетъ, въ какихъ тяжелыхъ условіяхъ они находились на родинѣ. И у этихъ высленцевъ до недавняго времени хранилась, а, можетъ быть, и теперь хранятся воспоминанія, что они когда-то были вольными казаками.

Возвратимся къ внѣшней политикѣ.

По традиціи мы продолжаемъ войны съ Турціей и расшатываемъ ея устои. Вслѣдствіе этого совершенно освобождаются Молдавія и Валахія, рядомъ съ ними на Дунаѣ образуется Сербское княжество, потомъ отдѣляется отъ Турціи Греція и также образуетъ независимое государство. Крѣпнетъ и Черногорія, превратившись въ свѣтское государство.

Западная Европа не принимаетъ въ этомъ никакого участія, кромѣ нѣкоторой помощи, оказанной Греціи. Австрія, которая когда-то стояла во главѣ всѣхъ предпріятій противъ Турціи и дѣйствовала въ союзѣ съ Россіей, съ конца XVIII ст. не шелохнулась.

Но у насъ почему-то существуетъ какое-то предрасположеніе къ Австріи. Несмотря на то, что въ 1831 г., во время возстанія въ Польшѣ, она не только давала полякамъ убѣжище, но и оказывала имъ помощь противъ Россіи, мы въ 1849 г. усмиряемъ мадьяръ, взбунтовавшихся противъ Австріи.

Наконецъ, Западная Европа не только ничего не предпринимаетъ противъ Турціи, но беретъ ее подъ свою защиту противъ Россіи.

И въ 1853 г., когда наши войска перешли черезъ Дунай, Австрія выставила намъ въ тылъ армію въ 200.000, и въ то время, какъ четыре европейскія державы разстрѣливали Севастополь, держала вооруженный нейтралитетъ, направленный также противъ Россіи.

Потомъ намъ суждено было опять вступить въ войну съ Турціей въ 1877 г. Мы говоримъ „суждено“, потому что въ эту войну мы вступили, вынужденные къ тому крайнимъ положеніемъ Сербіи и Черногоріи, которыхъ мы ни въ какомъ случаѣ не могли отдать въ

жертву Турціи, какъ не отдали бы въ то время и никому другому. Передъ нами стояли наши внутреннія реформы и вопросы, требовавшіе разрѣшенія. Намъ было не до войны и не готовились мы къ ней. Но народное одушевленіе, какое охватывало Россію, только въ такія эпохи, какъ смутное время и нашествіе французовъ, охватившее ее и теперь, увлекло и правительство. И Турцію мы опять одолѣли.

Но затѣмъ открылась другая война, дипломатическая, въ которой, какъ и прежде бывало, мы были побѣждены. Турція, конечно, пострадала: за ея счетъ сдѣланы прирѣзки территоріи всѣмъ державамъ, принимавшимъ участіе въ войнѣ, и Греціи за то, что не участвовала, и изъ нея же цѣликомъ выдѣлена въ особое государство Болгарія. Участіе въ дѣлѣжѣ наслѣдства Турціи приняла и Австрія: она получила цѣликомъ двѣ сербскія области, Боснію и Герцеговину ¹⁾, и, сверхъ того, ей отъ цѣлой Европы данъ мандатъ охранять спокойствіе на Балканскомъ полуостровѣ.

Австрія сдѣлалась балканскою державой, какъ владѣтельница двухъ провинцій Балканскаго полуострова и въ то же время уполномоченная Европой продолжать оккупацию дальше, пока только до Митровицы, какъ только начнется опасное для сохраненія мира движеніе среди тамошнихъ народовъ. Помимо того, она пользуется большимъ вліяніемъ въ Албаніи, играющей теперь важную роль не въ одной западной половинѣ полуострова. Такимъ образомъ, Австрія и, вмѣстѣ съ нею, Германія въ настоящее время доминируютъ на Балканскомъ полуостровѣ, при чемъ, естественно, и правительство Турціи подчиняется ихъ вліянію.

Вся эта ситуація имѣетъ роковое значеніе для сербскаго народа. Большая часть его, со включеніемъ Босніи и Герцеговины, двухъ самыхъ чистыхъ въ національномъ смыслѣ и самыхъ энергичныхъ по характеру населяющихъ ихъ сербовъ, находится въ рукахъ ихъ злѣйшаго врага, Австріи. Сербы, оставшіеся въ Турціи, подлежатъ уничтоженію, и на новѣйшихъ нѣмецкихъ картахъ вы уже не найдете надписи Alt-Serbien, а вся страна отъ границъ королевской Сербіи на

---

¹⁾ Оккупация была только переходною стадіей къ полному завладѣнію страной, что можно было ясно видѣть изъ первыхъ шаговъ австрійскаго правительства въ занятыхъ областяхъ: отдѣленіе православной церкви отъ Константинопольской патріархіи, захватъ и эксплуатація народнаго и государственнаго имущества, заселеніе страны не только австрійскими подданными, но и нѣмцами изъ Германіи, постройка укрѣпленій и т. д. Намъ было это ясно въ 1879 г., и мы указывали на это въ нашихъ корреспонденціяхъ.

югъ до Албаніи, гдѣ находятся славные сербскіе города Призренъ, Печь и знаменитая святыня—Высокіе Дечаны, поставлена подъ общую рубрику „Albanien“.

Болѣе выгодное—положеніе болгаръ, благодаря тому, что они находятся дальше отъ Австріи и ближе къ Россіи. Но если Австрія продвинется еще впередъ, и они окажутся ея сосѣдями, какъ теперь Сербія, и поступятъ въ сферу ея вліянія.

Однимъ словомъ, совершилось то, что предвидѣлъ Петръ Великій и противъ чего онъ съ такою силою вооружался, но чего не поняли его преемники и, ограничивъ свой политическій кругозоръ одною Россіей, а забывъ славянъ и планы великаго преобразователя Россіи, все время работали въ пользу нашихъ и ихъ недруговъ.

Послѣ этого, какой же смыслъ могутъ имѣть наши сношенія съ Черногоріей?

Не пускаясь въ политическія соображенія, мы опять обратимся къ исторіи и приведемъ факты, которыми характеризуется роль Черногоріи въ прошломъ.

Вызванная Петромъ Великимъ къ болѣе активной жизни, Черногорія цѣлое столѣтіе поддерживаетъ духъ свободы въ христіанахъ Турціи и этимъ постепенно подтачиваетъ эту враждебную христіанству державу.

Въ началѣ XIX ст. она является нашею союзницей въ дѣлахъ противъ завоевательныхъ плановъ Наполеона и помогаетъ Россіи прогнать изъ Бокки-Которской французовъ, вмѣсто которыхъ потомъ та же Россія водворила тамъ австрійцевъ.

Такимъ образомъ, Черногорія всегда была нашею союзницей не только въ дѣлахъ съ Турціей, но и съ западно-европейскими государствами. Эту роль ея предусматривалъ и Петръ Великій, и этимъ объясняется его особенная любовь къ Черногоріи. Въ этой роли она является нашею союзницей и въ настоящее время.

И. Ровинскій.

